

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

1356

ВЕЛИКАЯ БИТВА

В романах Бернарда Корнуэлла история поистине оживает.

Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»

Загадка Грааля

Бернард Корнуэлл

1356. Великая битва

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

1356. Великая битва / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус»,
2012 — (Загадка Грааля)

ISBN 978-5-389-15280-9

Столетняя война в самом разгаре. Английские гарнизоны стоят в Нормандии, Бретани и Аквитании; король шотландский, союзник французов, томится в лондонском Тауэре; Черный принц – Эдуард Уэльский – опустошает юг Франции, которая «похожа на крупного оленя, терзаемого охотничьими собаками». Чтобы сломить врагов окончательно, Эдуард затевает опустошительный набег через самое сердце Франции, оставляя за собой сожженные фермы, разрушенные мельницы, города в руинах и истребленный скот. Граф Нортгемптон приказывает своему вассалу по прозвищу Бастард присоединиться к войскам принца Эдуарда, но прежде отыскать сокровище темных владык – меч Малис. По утверждению черных монахов, это могущественная реликвия, обладание которой сулит победу в битве. А битва предстоит великая – в сентябре 1356 года превосходящие силы противника устраивают английской армии ловушку близ города Пуатье... Бастардом называет себя не кто иной, как Томас из Хуктона, герой романов «Арлекин», «Скиталец», «Еретик». «1356. Великая битва» продолжает эту блестящую трилогию, принадлежащую перу Бернарда Корнуэлла – непревзойденного мастера литературных реконструкций, возрождающих перед глазами читателей нравы и батальные сцены Средневековья. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15280-9

© Корнуэлл Б., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Пролог. Каркассон	8
Часть первая	16
Глава 1	17
Глава 2	27
Глава 3	42
Часть вторая	61
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Бернард Корнуэлл

1356. Великая битва

Bernard Cornwell
1356

Copyright © 2012 by Bernard Cornwell
All rights reserved

Серия «The Big Book. Исторический роман»

© А. Яковлев, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается моему внуку Оскару Корнуэллу,
с любовью*

*Англичане скачут, никто не знает куда.
Предупреждение, разосланное по Франции XIV века. Процитировано
по книге Энн Ро «Простак и его деньги»*

Пролог. Каркассон

Он опоздал.

Уже стемнело, фонаря у него не было, но отблески городских пожаров проникали в глубину церкви и мерцали тусклым отсветом на каменных плитах крипты, пол которой он пытался разобрать с помощью лома.

Он ковырял инструментом камень с высеченным изображением чаши, перетянутой застегнутым поясом, по которому висела надпись: «*Calix Meus Inebrians*»¹. Резные солнечные лучи окружали кубок, символизируя исходящий от него свет. Изображение и письма стерлись от времени, и мужчина не обращал на них внимания. Зато прислушивался к воплям из переулков вокруг церквушки. То была ночь огня и страданий; крики были такими громкими, что заглушали звук, с которым металлическое жало вонзалось в край плиты и откалывало куски камня, чтобы образовалась щель, куда можно просунуть лом. Мужчина обрушил инструмент и застыл, услышав смех и шаги наверху в церкви. Он спрятался за аркой в тот самый миг, когда в крипту вошли двое с горящим факелом, осветившим продолговатое сводчатое помещение, – легкой добычи в поле зрения не наблюдалось. Алтарь в крипте был из простого камня; из украшений – только деревянный крест. Даже подсвечники отсутствовали. Один из пришельцев сказал что-то на незнакомом языке, другой рассмеялся, и оба снова поднялись в неф, где пламенное зарево с улицы падало на расписанные стены и оскверненные алтари.

Человек с ломом кутался в черный плащ с капюшоном. Под плотным плащом скрывалась белая ряса, вся в грязных пятнах, перехваченная в поясе сплетенной втрое веревкой. Одежда типичная для монаха-доминиканца; хотя в эту ночь принадлежность к монашескому сословию не обещала защиты от армии, грабившей Каркассон. Мужчина был высоким и сильным, и перед вступлением в орден служил солдатом. Он знал, как колоть копьем, рубить мечом или разить секирой. Некогда его звали Фердинанд де Роде, но теперь он стал просто братом Фердинандом. Прежде он носил кольчугу и доспехи, участвовал в турнирах и дрался в битвах, но вот уже пятнадцать лет, как де Роде посвятил себя Церкви и дни напролет молился об отпущении своих грехов. Он был уже стар, почти шестьдесят, но по-прежнему широк в плечах. Фердинанду требовалось попасть в этот город, но дожди задержали его в пути: из-за них реки вышли из берегов, сделав броды непроходимыми, и поэтому он опоздал. Опоздал и устал. Монах вновь обрушил лом на украшенную рисунком плиту и навалился на него, опасаясь, что железо согнется прежде, чем поддастся камень. Но тут вдруг послышался скребущий звук, гранит вздыбился, затем скользнул вбок, обнажив небольшую зияющую дыру.

Внутри было темно, ибо дьявольские отсветы горящего города не достигали могилы. Монах опустился перед черной дырой на колени и ощупал ее. Пальцы обнаружили дерево, и он снова взмахнул ломом. Один удар, второй, раздался треск, и Фердинанд взмолился, чтобы гроб не оказался двойным: иногда тело помещали сначала в свинцовый ящик, а затем тот уже в деревянный гроб. Монах в последний раз провернул инструмент, потом наклонился и очистил дыру от щепок.

Гроб не был свинцовым. Внутри рука встретила ткань, рассыпавшуюся при первом касании, затем нащупала кости. Пальцы обследовали пустые глазницы, рассыпавшиеся зубы, скользнули по изгибу ребра. Монах лег и, просунув руку глубже в черноту могилы, обнаружил нечто твердое, что не являлось костью. Но это было не то, что он искал, – форма у предмета оказалась иной. Распятие. Сверху из церкви вдруг донеслись громкие звуки. Мужской смех и плач женщины. Брат лежал неподвижно, прислушивался и молился. На миг он отчаялся, решив, что нужного ему предмета в гробу нет, но, вытянув, насколько мог, руку, нашарил что-

¹ «Чаша моя преисполнена» (лат.).

то завернутое в ткань, видимо дорогую, которая не рассыпалась. Действуя на ощупь, Фердинанд уцепился за ткань и потянул. Внутри материи находилось нечто весьма тяжелое. Подтянув чуть поближе, он высвободил находку из рук скелета. Потом вытащил предмет из гроба и встал. Ему не было нужды разворачивать ткань. Фердинанд знал, что нашел *la Malice*². В порыве благодарности он повернулся к скромному алтарю у восточной стены крипты и осенил себя крестом.

– Благодарю тебя, Господи! – прошептал он. – Благодарю и тебя, святой Петр, и тебя, святой Жуньен. А теперь помогите мне спастись.

Небесная помощь монаху действительно не помешала бы. С минуту доминиканец склонился к мысли спрятаться в крипте и переждать, пока армия захватчиков не уйдет из Каркассона, но это могло занять не один день, да и как только солдаты приберут к рукам всю легкую добычу, то станут обшаривать гробницы в поисках колец, распятий и прочего, за что можно выручить монету. Крипта полтора столетия хранила Малис, но брат знал, что ему она может обещать безопасность лишь на каких-нибудь несколько часов.

Бросив лом, Фердинанд стал взбираться по лестнице. Малис была длиной с его руку и на удивление тяжелой. Некогда у нее имелась рукоять, но теперь от нее остался только тонкий хвостовик, и доминиканец кое-как ухватился за него. Реликвия по-прежнему была завернута в материал, который показался ему шелком.

Свет от горящих близ храма домов освещал неф и несколько фигур. Трое оказались лучниками, и длинные цевья их луков были прислонены к алтарю. Один из воинов окликнул закутанную в темный плащ фигуру, показавшуюся из крипты, но на самом деле стрелков интересовал не уходящий, а женщина, которую они расprostерли на ступеньках алтаря. На миг брата Фердинанда обуял порыв спасти несчастную, но тут через боковую дверь в церковь ввалились еще четверо или пятеро грабителей, заготовивших при виде лежащего на ступенях обнаженного тела. С собой они приволокли новую жертву. Девушка визжала и отбивалась, и от ее отчаянных криков у доминиканца сжалось сердце. Он слышал треск раздираемой на ней одежды, плач, вспомнил обо всех своих грехах и перекрестился.

– Прости меня, Господи Иисусе! – пробормотал Фердинанд и, не в силах помочь бедняжкам, выскользнул через дверь храма на небольшую площадь.

Пламя пожирало соломенные крыши и пылало ярко, выплевывая в ночной ветер снопы искр. Город заволокло дымом. Солдата с красным крестом святого Георгия тошнило на ступеньках церкви, к нему бежала собака, чтобы подлизать блевотину. Монах свернул к реке в намерении пересечь мост и подняться к *Cité*³. Он полагал, что двойные стены Каркассона защитят его, потому как едва ли этой армии налетчиков хватит терпения для осады. Она захватила бург, купеческую часть города, расположенную на западном берегу реки, но его никто и не думал защищать. Хотя большинство торговых и ремесленных промыслов было сосредоточено в бурге: лавки кожевников, серебряных дел мастеров, оружейников, торговцев живностью и тканями, но все эти богатства оборонял лишь земляной вал, и орда захватчиков перелилась через ничтожное препятствие подобно потоку. Зато центр Каркассона представлял собой одну из самых неприступных крепостей Франции, цитадель, оцетинившуюся могучими каменными башнями и высокими стенами. Там монах будет в безопасности. Найдет место, где можно спрятать Малис, пока не придет время вернуть ее владельцу.

Доминиканец свернул на улицу, не объятую огнем. Воины молотами или топорами выбивали двери и вламывались в дома. Большинство горожан сбежало в Сите, но кое-какие наивные души остались, вероятно в надежде защитить свое добро. Захватчики обрушились так стремительно, что не было времени укрыть все самое ценное за мостом и исполинскими воро-

² Злоба (*фр.*). Далее – Малис.

³ Центр города, самый старый и укрепленный район (*фр.*). Далее – Сите.

тами цитадели на холме. В сточной канаве валялись два трупа. На них была одежда с четырьмя львами Арманьяка – то были арбалетчики, убитые во время безнадежной попытки отстоять бург.

Брат Фердинанд не знал города. Он пытался найти неприметный путь к реке, следуя темными улицами и узкими переулками. Господь оберегает его, решил монах, поскольку по пути на восток он ни разу не повстречался с врагом. Затем доминиканец достиг широкой улицы, освещенной пламенем, увидел длинный мост, а за ним, высоко на холме, отблески пожаров на стенах Сите. В зареве бурга камни стены казались кроваво-красными. «Словно стены преисподней», – промелькнула мысль. Потом порыв ночного ветра снес густую пелену дыма, спрятав от его взора стены, зато открыв мост. На мосту, охраняя западный его конец, стояли лучники. Английские лучники в их туниках с красными крестами и с длинными смертоносными луками. Среди них были два всадника в шлемах и кольчугах.

Перейти на другой берег не получится. Нет способа добраться до безопасного Сите. Он помешкал, потом направился назад, в сплетение улиц. Надо идти на север.

Ему предстояло пересечь главную улицу, освещенную недавно занявшимися пожарами. Цепь, одна из многих, что натягивались поперек дороги, чтобы сдерживать захватчиков, валялась в канаве, из которой кошка лакала кровь. Брат Фердинанд перебежал через освещенное пространство, нырнул в другую улочку и, не замедляя шага, устремился дальше. Бог по-прежнему пребывал с ним. Звезды затянуло дымом, в котором летали искры. Монах перешел площадь, угодил в тупик, вернулся и снова взял направление на север. В горящем доме мычала корова, собака прошмыгнула мимо, таща в зубах что-то черное и сочащееся. Доминиканец миновал мастерскую дубильщика, перепрыгивая через раскиданные по мостовой шкуры, и вскоре впереди показался земляной вал, служивший бургу единственной защитой. Доминиканец взобрался на него, потом услышал крик и обернулся. За ним гнались трое.

– Ты кто такой? – вопил один.

– Стой! – орал другой.

Доминиканец побежал вниз по склону, направляясь к тонущей во мгле сельской округе, начинавшейся сразу позади горстки хижин, построенных с внешней стороны вала. Просви-стела стрела, по милости Божьей прошедшая мимо на ширину пальца, и Фердинанд юркнул в проход между двумя лачугами. Здесь возвышалась парящая зловонная куча. Проскочив через навоз, беглец обнаружил, что тропа упирается в стену, а обернувшись, понял, что путь назад преграждают трое преследователей. На их лицах играли ухмылки.

– Что прихватил? – спросил один из них.

– Je suis Gascon⁴, – сказал Фердинанд. Ему было известно, что в город ворвались гасконцы и англичане, но по-английски он не говорил. – Je suis Gascon! – повторил старик и шагнул навстречу преследователям.

– Да это же черный брат! – воскликнул кто-то из них.

– Тогда почему этот чертов ублюдок пытался удрать? – спросил другой англичанин. – Хотел что-то припрятать, так ведь?

– Дай-ка сюда, – произнес третий, протягивая руку. Только у него одного тетива на луке была натянута, остальные забросили луки за спину и держали мечи. – Иди сюда, тупица, и дай это мне! – Англичанин потянулся за Малис.

Эти трое были много моложе доминиканца и, будучи лучниками, наверняка вдвое превосходили его силой, но брат Фердинанд был хорошим воином, и искусство владения мечом никогда не изменяло ему. А еще он разозлился. Разозлился из-за страданий, которые видел, жестокостей, о которых слышал, и гнев ослепил его.

– Во имя Господа! – провозгласил он и взмахнул Малис снизу вверх.

⁴ Я гасконец (*фр.*).

Та все еще была обернута в ткань, но клинок глубоко впился в протянутую руку, рассекая сухожилия и ломая кости. Фердинанд держал оружие за хвостовик – хватка рискованная, – но меч словно слился с ним. Раненый отпрянул, истекая кровью, а его товарищи, взревев от ярости, вскинули мечи. Доминиканец одним движением отвел оба и сделал выпад. Хотя Малис и пролежала в гробу сто пятьдесят с лишним лет, она осталась острой, как будто ее только что наточили, и ее острие пробilo подбитую холстом кольчугу, вскрыло грудную клетку и пронзило легкое. Прежде чем англичанин успел сообразить, что случилось, Фердинанд рубанул клинком по глазам третьего противника. Кровь обагрила переулок. Англичане попытались отступить, но монах не дал им уйти. Ослепленный споткнулся о навозную кучу и упал навзничь, его приятель отчаянно махал мечом. Малис встретила с ним, и английский клинок сломался пополам. Брат взмахнул завернутым в ткань оружием, рассек врагу глотку и ощутил, как кровь брызнула ему на лицо. «Такая горячая, – подумалось ему. – Да простит меня Господь!» В темноте крикнула птица, в буре ревело пламя.

Монах прикончил всех троих лучников, затем протер шелком лезвие Малис. Он хотел было коротко помолиться о душах только что убитых им людей, но затем решил, что не собируется делить небеса с такими мерзавцами. Вместо этого Фердинанд поцеловал клинок, потом обыскал тела, нашел несколько монет, кусок сыра, четыре тетивы и нож.

Каркассон горел, наполняя зимнюю ночь дымом.

Доминиканец шел на север. Он возвращался домой, возвращался к башне.

И нес с собой Малис и судьбу всего христианского мира.

Мужчина растворился во тьме.

* * *

Люди прибыли к башне спустя четыре дня после разграбления Каркассона.

Их было шестнадцать, все в богатых, плотных плащах, верхом на добрых конях. Пятнадцать – одеты в кольчуги, на поясах висели мечи. Последним из всадников был священник, на запястье у него сидел сокол с колпачком на голове.

Суровый ветер с перевала в горах ерошил перья сокола, клонил сосны и кружил дым, поднимавшийся от маленьких хижин деревушки, лежащей у подножия башни. Было холодно. В этой части Франции снег выпадает редко, но, выглядывая из-под капюшона, священник решил, что видит, как ветер несет белые хлопья.

Вокруг высились полуразрушенные стены – свидетельство того, что прежде тут стояла крепость, но теперь от старого замка осталась только сама башня да крытое соломой приземистое здание. Там, скорее всего, размещались слуги. Куры копались в пыли, коза на привязи глядела на лошадей, зато кошка не обращала на чужаков никакого внимания. То, что некогда было прекрасной маленькой крепостью, стерегущей дорогу в горах, превратилось в ферму. Впрочем, как подметил священник, башню добротнo отремонтировали, а деревушка в долине под старой цитаделью выглядела вполне процветающей.

Из крытой соломой хижины выскочил человек и угодливо склонился перед всадниками. Кланялся он не потому, что узнал гостей. Просто люди с мечами требовали к себе уважения.

– Господа? – встревоженно обратился он к конным.

– Лошадей в стойло, – распорядился священник.

– Сначала выгуляй их, – добавил один из воинов. – Дай им пройтись, потом оботри и не давай есть слишком много.

– Слушаюсь, господин, – ответил крестьянин, снова поклонившись.

– Это Мутуме? – уточнил священник, спешившись.

– Да, отче.

– И ты служишь мессииру Мутуме? – осведомился клирик.

– Да, графу Мутуме, господин.

– Он жив?

– Живой, отче, слава Всевышнему.

– Воистину, слава Всевышнему, – рассеянно отозвался священник и зашагал к короткой каменной лестнице, что вела к двери в башню.

Двоим воинам он велел идти с ним, остальным приказал ждать на улице. Распахнув дверь, клирик оказался в просторной круглой комнате, где хранили дрова и запасы. С балок свисали окорока и связки растений. Вдоль половины стены шла лестница, и священник, не объявив о своем прибытии и не дожидаясь, пока его кто-то встретит, поднялся по ступенькам в помещение на втором этаже, где был растоплен камин. Большая часть дыма клубилась в круглой комнате, поскольку задувающий в вытяжное окошко холодный ветер загонял его обратно. Древние доски пола устилали потрепанные дерюги. На двух деревянных сундуках горели свечи: хотя был день, оба окна завесили одеялами, чтобы защититься от сквозняков. Имелся еще стол, на котором размещались две книги, несколько пергаментов, бутылочка с чернилами, пучок перьев, нож и заржавленный нагрудник, служивший блюдом для трех сморщенных яблок. У стола примостилось кресло, но сам граф Мутуме, повелитель сей одинокой башни, лежал на придвинутой к коптящему очагу постели. Рядом сидел седовласый священник, две старухи стояли на коленях в изножье.

– Уйдите! – приказал всем троим вновь прибывший.

Следом за ним по лестнице поднялись два одетых в кольчуги воина и, казалось, заполнили всю комнату своим зловещим присутствием.

– Вы кто? – встревоженно спросил седовласый поп.

– Я велел убираться.

– Он умирает!

– Прочь!

Пожилой священник в нарамнике оставил святые дары и спустился по лестнице вслед за старухами. Умиравший смотрел на гостей, но не говорил ни слова. Волосы у него были длинные и белые, борода всклокоченная, глаза глубоко запали. Он наблюдал за тем, как приехавший клирик поставил сокола на стол, когти птицы скребли по доскам.

– Это каладрий, – пояснил священник.

– Каладрий? – едва слышно переспросил граф. Он посмотрел на синевато-серые перья и светлую грудку птицы. – Слишком поздно для каладрия.

– Следует иметь веру, – возразил клирик.

– Я прожил восемьдесят с лишним лет. И веры в моем распоряжении больше, нежели времени.

– Ну вот на это времени у вас хватит, – мрачно заявил священник.

Двое воинов молча стояли у лестницы. Каладрий издал звук, похожий на мяуканье, но стоило клирику щелкнуть пальцами, птица с колпачком замерла и стихла.

– Вас приобщили Святых Тайн? – осведомился поп.

– Отец Жак как раз собирался дать их мне, – проговорил умирающий.

– Я сам это сделаю, – сказал священник.

– Кто вы?

– Я прибыл из Авиньона.

– От папы?

– От кого же еще? – ответил клирик вопросом на вопрос.

Священник прошелся по комнате, осматривая ее; граф следил за ним. Приезжий отличался высоким ростом и суровостью лица. Подобающее сану облачение явно шил искусный мастер. Когда гость поднял руку, чтобы коснуться висящего на стене распятия, под опавшим рукавом показалось белье из красного шелка. Старик знал подобный сорт духовенства: люди

жесткие и амбициозные, богатые и умные; не из тех, кто проповедует бедноте, но кто поднимается по лестнице церковной иерархии в общество состоятельных и привилегированных. Священник повернулся и устремил на умирающего взгляд холодных зеленых глаз.

– Вы расскажете мне, где находится Малис?

Старик на одно лишнее мгновение промедлил с ответом.

– Малис?

– Скажите, где она, – потребовал клирик и, не дождавшись ничего, кроме молчания, продолжил: – Я прибыл от его святейшества. Я приказываю вам сообщить мне.

– Я не знаю ответа, – прошептал старик. – Поэтому как могу я вам сказать?

В очаге затрещало полено, плюнув искрами.

– Черные братья сеют ересь, – буркнул священник.

– Избави Бог, – отозвался граф.

– Вы слышали их?

– Мне мало что приходилось слышать в последние дни, отче. – Мутуме покачал головой.

Поп покопался в висящем на поясе кошелье и достал клочок пергамента.

– «Семь темных владык хранят его, и они заклеены, – прочел он вслух. – Тот, кому суждено нами править, найдет его, и благословенны будем мы».

– Это ересь? – спросил граф.

– Это стих, что доминиканцы распространяют по всей Франции. По всей Европе! Есть лишь один человек, который правит нами, и это его святейшество папа. Если Малис существует, ваш христианский долг поведать мне все, что вам известно. Она должна быть передана Церкви! Любой, кто придерживается иного мнения, – еретик!

– Я не еретик, – заявил старик.

– Ваш отец был темным владыкой.

Граф вздрогнул.

– Грехи отца не падают на меня.

– А темные владыки хранили Малис.

– О темных владыках много чего болтают, – заметил Мутуме.

– Они хранили сокровища катарских еретиков, – сказал священник. – А когда по милости Божьей эти отступники были выжжены с земли, темные владыки забрали их сокровища и спрятали.

– Я слышал об этом. – Голос графа был едва громче шепота.

Клирик протянул руку и погладил сокола по спине.

– Малис была утеряна в те незапамятные времена, но черные братья утверждают, что ее можно найти, – настаивал он. – И ее нужно найти! Это достояние Церкви, могущественная реликвия! Оружие, способное установить царство Божие на земле, а ты скрываешь его!

– Не скрываю! – возразил умирающий.

Поп сел на ложе и склонился над графом.

– Где Малис? – спросил он.

– Не знаю.

– Ты очень близок к Божьему суду, старик. Посему не лги мне.

– Господом клянусь, я не знаю, – промолвил граф.

И это была правда. Почти. Он знал, где была спрятана Малис, и, опасаясь, что англичане обнаружат ее, послал своего друга, брата Фердинанда, забрать реликвию. Граф полагал, что монаху это удалось, а если это так, то графу действительно неизвестно, где находится сейчас Малис. Поэтому он не солгал, а просто поведал клирику не всю правду, потому как некоторые тайны следует уносить в могилу.

Священник пристально вглядывался в графа какое-то время, потом протянул левую руку и снял с сокола путы. Птица, все еще в колпачке, осторожно перебралась ему на запястье.

Клирик поднес ее к кровати и уговорил сойти на грудь умирающего. Потом аккуратно снял удерживающие колпачок тесемки и кожаную шапочку с головы хищницы.

– Этот каладрий не похож на остальных, – пояснил он. – Соколица предсказывает, не останешься ли ты жить или умрешь, но определяет, почиешь ли ты с миром и отправишься ли на небеса.

– Молюсь, чтобы так и было, – пробормотал умирающий.

– Посмотри на птицу, – велел поп.

Мутуме посмотрел на сокола. Ему доводилось слышать о каладриях, способных предсказывать жизнь и смерть. Если птица смотрит больному прямо в глаза, этот человек выздоровеет, если нет, умрет.

– Птица, которой ведома вечность? – уточнил граф.

– Посмотри на нее, – потребовал священник. – И скажи мне, известно ли тебе, где укрыта Малис?

– Нет, – прошептал умирающий.

Сокол, казалось, глядит на стену. Он прошелся по груди старика, впиваясь когтями в потрепанное одеяло. Никто не произносил ни слова. Птица замерла, потом внезапно опустила голову. Граф вскрикнул.

– Тихо! – рыкнул поп.

Сокол погрузил кривой клюв в левый глаз угасающего человека, и глаз лопнул, растекавшись студенистой кровавой массой по небритой щеке. Граф заскулил. Клирик вернул хищника на кровать, и тот прищелкнул клювом.

– Каладрий утверждает, что ты солгал, – заявил священник. – Если хочешь сохранить второй глаз, скажи мне правду. Где Малис?

– Не знаю, – ответил старик, рыдая.

Поп сидел некоторое время молча. В очаге потрескивало пламя, ветер загонял в комнату клубы дыма.

– Ты солгал, – повторил он. – Каладрий поведал это мне. Ты плюнул в лицо Богу и ангелам его.

– Нет! – возразил старик.

– Где Малис?

– Я не знаю!

– Ваше родовое имя – Планшар, – обвиняющим тоном заявил клирик. – А Планшары всегда были еретиками.

– Нет! – воспротивился граф. Потом голос его стал слабее. – Кто ты?

– Можешь называть меня отец Каладрий, – бросил священник. – Я тот, кто имеет право решать, отправишься ты в ад или в рай.

– Так отпусти мне грехи! – взмолился умирающий.

– Да я скорее поцелую дьявола в задницу, – хмыкнул отец Каладрий.

Час спустя, когда граф ослеп и содрогался в рыданиях, священник наконец поверил, что старику неизвестно место, где спрятана Малис. Поп приманил сокола к себе на запястье, снова нацепил ему колпачок, затем кивнул одному из воинов:

– Отправь этого дряхлого дурака к его господину!

– К его господину? – озадаченно переспросил солдат.

– К Сатане, – пояснил клирик.

– Христом Богом прошу! – простонал граф Мутуме и беспомощно затрепыхался, когда воин положил набитую шерстью подушку ему на лицо. Старику потребовалось на удивление много времени, чтобы испустить дух.

– Мы втроем возвращаемся в Авиньон, – велел священник своим спутникам. – Но прочие остаются здесь. Прикажите им обыскать тут все. Переверните эту башню, камень за камнем!

Клирик ускакал на восток, в направлении Авиньона. Ближе к вечеру того же дня повалил снег, мягкий и мелкий, убелив оливковые деревья в долине под башней мертвеца. На следующее утро снег растаял, а неделю спустя пришли англичане.

Часть первая

Авиньон

Глава 1

Послание прибыло в город после полуночи, его доставил молодой монах, проделавший путь из самой Англии. В августе он вместе с двумя братьями выехал из Карлайла. Всем троим предписывалось прибыть в великую обитель цистерцианцев⁵ в Монпелье. Брату Майклу, самому младшему, предстояло обучаться там медицине, а его спутникам – посещать знаменитую школу теологии. Путь по Англии троица проделала пешком, затем отплыла из Саутгемптона в Бордо, далее последовала по дороге вглубь Франции. Как и со всеми странниками, отправляющимися в далекие края, с ними передали множество посланий. Одно было для аббата Пюи. В аббатстве один из путешественников – брат Винсент – умер от жестокого поноса. Майкл и его второй спутник дошли до Тулузы. Там брат Питер захворал и его положили в госпиталь, где, насколько Майкл знал, тот до сих пор и пребывал. Юный монах пошел дальше один, ему осталось передать последнее из посланий – потрепанный кусочек пергамента. Ему сказали, что он разминется с адресатом, если не пустится в дорогу той же ночью.

– Бастард перемещается стремительно, – поведал аббат монастыря в Павилле. – Позавчера он был тут, сегодня в Вийоне, а где будет завтра...

– Бастард?

– Так его зовут в этих краях, – пояснил аббат, осенив себя крестным знамением.

У молодого английского монаха возникло ощущение, что ему сильно повезет, если он переживет встречу с человеком по имени Бастард.

И вот, совершив дневной переход, брат Майкл смотрел на раскинувшийся на другой стороне долины город Вийон. Найти его не составило труда, потому как с наступлением темноты небо осветилось заревом, послужившим маяком. Встреченные на дороге беглецы сообщили монаху, что Вийон горит, поэтому, чтобы найти Бастарда и передать ему послание, брату Майклу оставалось просто идти на пожар. Юноша не без трепета пересек долину, глядя, как пламя окольцовывает городские стены, наполняя ночь клубами дыма, приобретающими в местах соприкосновения с открытым огнем багровый оттенок. «Вот так, должно быть, выглядит небо Сатаны», – подумал чернец. Беглецы продолжали покидать город, они советовали брату Майклу повернуть и уносить ноги, потому как в Вийоне хозяйничают дьяволы ада. И его одолевало искушение внять совету. Ох как одолевало! Но какой-то частицей его молодой души владело любопытство. Никогда прежде не доводилось ему наблюдать за битвой. Никогда не видел он того, что творят люди, когда ими овладевает тяга к насилию. Поэтому он продолжил путь, опираясь на веру в Бога и крепкий посох паломника, который нес с собой от самого Карлайла.

Пожары полыхали у западных ворот, пламя выхватывало из тьмы громаду замка, угнездившегося на холме далее к востоку. То был замок сеньора де Вийона, о котором рассказывал Майклу аббат Павилля. Сеньора де Вийона осаждала армия, ведомая епископом Лаванса и графом де Лабруйядом, которые сообща подрядили шайку наемников во главе с Бастардом.

– А из-за чего война? – осведомился брат Майкл у аббата.

– Распрей у них две, – ответил настоятель, после того как служка налил ему вина. – Сеньор де Вийон конфисковал партию шкур, принадлежащую епископу. По крайней мере, так утверждает прелат. – Аббат скривился, потому как вино было молодое и кислое. – По правде говоря, де Вийон – безбожный негодяй, и епископ хотел бы заполучить иного соседа. – Старый церковник пожал плечами, как бы признавая незначительность повода для вражды.

– А вторая распря? – спросил монах.

Аббат помолчал.

⁵ Цистерцианцы – католический монашеский орден, учрежденный в XI веке.

– Вийон отобрал у графа де Лабруйяда жену, – признался наконец он.

– Ого! – брат Майкл не знал, что еще сказать.

– Мужчины драчливы, – продолжил настоятель, – но женщины всегда усугубляют дело. Вспомни о Трое! Все эти люди убивали друг друга ради одного смазливового личика! – Он сурово посмотрел на юного монаха. – Женщины приносят в сей мир грех, брат, и так будет всегда. Радуйся, что ты монах и принес обет безбрачия.

– Слава Всевышнему, – согласился Майкл, хотя и без особой уверенности.

Теперь Вийон наполнился горящими домами и убитыми, и все из-за одной женщины, ее любовника и повозки шкур. Брат Майкл приблизился к городу по идущей вдоль долины дороге, пересек каменный мост и подошел к западному входу, где остановился. Ворота были вырваны из сводчатой кладки силой столь могучей, что молодой человек не брался даже представить, что способно обладать такой мощью. Петли были выкованы из железа, каждая крепилась к воротам скобой длиной с епископский посох, шириной с ладонь и толщиной с палец. Тем не менее обе створки висели набекрень, доски их были обуглены, а массивные петли свернуты в причудливый завиток. Словно сам дьявол двинул своим ужасным кулаком сквозь арку, прокладывая себе путь в город. Брат Майкл перекрестился.

Он протиснулся между почерневшими створками и снова остановился, потому как сразу за аркой горел дом, а напротив двери лежал лицом вниз труп молодой женщины. Она была почти обнажена, сбегавшие по бледной коже струйки крови казались в зареве пожара черными. Монах смотрел на нее, слегка нахмурившись, и пытался понять, почему очертания женской спины так возбуждают, затем устыдился собственных мыслей и снова перекрестился. Дьявол хозяйствует повсюду этой ночью, подумалось ему, но особенно в этом полыхающем городе под окрашенными огнем адовыми облаками.

Рядом с убитой женщиной стояли двое: один в дырявой кольчуге, другой в кожаном колете, который был ему велик. Оба держали длинные ножи. Испуганные появлением монаха, они стремительно повернулись, готовые к драке, потом разглядели холщовую белую рясу и деревянный крест на шее у брата Майкла и устремились на поиски жертв побогаче. Третьего солдата тошнило в канаве. В охваченном пламенем доме обрушилась балка, взметнув поток горячего воздуха и круговерть искр.

Брат Майкл шел по улице, стараясь держаться подальше от трупов, потом заметил привалившегося к бочке, стоявшей под водосточным желобом, человека, который зажимал кровоточащую рану в животе. Юный монах служил помощником в монастырском инfirmарии⁶, поэтому приблизился к раненому воину.

– Я могу перевязать это, – сказал он, опускаясь на колени.

Но раненый рыкнул на него и взмахнул ножом, которого Майклу удалось избежать, проворно отпрянув в сторону. Монах встал и попятился.

– Снимай рясу! – скомандовал раненый, пытаясь догнать юношу, но брат побежал вверх по улице. Его преследователь снова упал и разразился проклятиями. – Вернись! – орал он. – Вернись!

Поверх кожаного колета на нем была ливрея с изображением золотого кречета на красном поле, и брат Майкл, с трудом соображая в окружающем его безумии, смекнул, что золотая птица – эмблема защитников города и что раненый пытался сбежать, отобрав у него рясу и переодевшись в нее. Но вместо этого несчастного перехватили двое солдат в зеленом и белом и перерезали ему горло.

Некоторые воины носили эмблемы с желтым епископским посохом в окружении четырех черных крестов-крослетов⁷, и брат Майкл решил, что это люди епископа, тогда как солдаты с

⁶ Инfirmарий – лазарет, госпиталь.

⁷ Кросслет – геральдический крест с перекрестьями на перекладинах. Также называется тевтонским крестом.

зеленой лошадию на белом поле должны служить графу де Лабруйяду. На большинстве убитых были накидки с золотым кречетом, и монах подметил, что многие из этих трупов пронзены длинными английскими стрелами с заляпанным кровью оперением. Сражение прокатилось через эту часть города, оставив ее в огне. Пожар перепрыгивал с одной соломенной кровли на другую, а в тех местах, куда он еще не распространился, орда пьяной, буйной солдатни грабила и насиловала под пологом дыма. Заплакал ребенок, взвизгнула женщина, потом слепец, от глаз которого остались только две кровоточащие дыры, вышел, пошатываясь, из переулка и столкнулся с монахом. Мужчина заскулил, отпрянув назад, и вскинул руки, пытаясь защититься от удара.

– Я не причиню тебе вреда, – сказал брат Майкл по-французски – этот язык он выучил послушником, чтобы получить возможность закончить образование в Монпелье, – но слепец не стал его слушать и заковылял дальше по улице.

Где-то, в вопиющем противоречии с кровью, дымом и криками, пел церковный хор. Монаху показалось поначалу, что это сон, но голоса были настоящие – такие же настоящие, как вопли женщин, плач детей и лай собак.

Молодой чернец сбавил ход, потому как улицы стали темнее, а солдаты разгульнее. Он миновал дубильную мастерскую, в которой горел огонь. Его взору предстал мужчина, утопленный в чане с мочой, в которой вымачивали кожу. Потом вышел на маленькую площадь, украшенную каменным крестом. Тут на него напал сзади какой-то бородатый мерзавец в накидке с епископским гербом. Он повалил монаха на землю и принялся срезать висящий на веревочном поясе кошелек.

– Отстань! Отстань! – С перепугу брат Майкл забыл, где находится, и кричал по-английски.

Грабитель ослабил и взмахнул ножом перед лицом монаха. Потом глаза его вдруг широко распахнулись в ужасе, в озаренной отблесками пожаров ночи хлынул черный поток крови, и солдат медленно повалился набок. Сквозь брызги брат разглядел стрелу, пробившую шею обидчика. Тот задыхался, хватался за древко, потом задрожал, и из его открытого рта хлынула кровь.

– Ты англичанин, брат? – спросил кто-то по-английски.

Обернувшись, монах увидел человека в черной ливрее с белым гербом, который пересекала косая черта – знак незаконного рождения.

– Ты англичанин? – переспросил незнакомец.

– Англичанин, – выдавил брат Майкл.

– Тебе следовало дать ему по башке, – сказал воин, поднимая посох монаха, затем помог встать и ему самому. – Врезал бы как следует, он бы и повалился. Ублюдки все нажрались.

– Я англичанин, – повторил брат Майкл. Его трясло. На коже ощущалась теплая свежая кровь. Монах поежился.

– Далековато занесло тебя от дома, брат, – проговорил стрелок. Длинный боевой лук висел, перекинутый через мускулистые плечи. Он перешагнул через обидчика монаха, достал нож и вырезал стрелу из горла раненого, попутно прикончив его.

– Стрелы не так легко добыть, – пояснил лучник. – Поэтому мы стараемся собирать их. Если попадутся на пути, поднимай.

Майкл оправил белую рясу, потом повнимательнее рассмотрел эмблему на накидке своего спасителя. На ней было изображено странное животное, сжимающее в лапах чашу.

– Ты служишь... – начал он.

– Бастарду, – не дал ему договорить воин. – Мы эллекины, брат.

– Эллекины?

– Слуги дьявола, – с ухмылкой ответил стрелок. – А тебя какого черта сюда занесло?

– У меня послание для твоего хозяина, Бастарда.

– Тогда давай найдем его. Меня зовут Сэм.

Имя подходило лучнику, у которого было ребяческое, открытое лицо и веселая улыбка. Он провел монаха мимо церкви, которую охранял вместе с еще двумя эллекинами. Храм служил убежищем для части городских жителей.

– Бастард не одобряет насилия над женщинами, – бросил воин.

– Как и подобает христианину, – благочинно отозвался Майкл.

– С таким же успехом он может не одобрять дождь, – хмыкнул Сэм, выводя спутника на площадь побольше, где расположилось с полдюжины всадников с мечами наголо.

На них были кольчуги и шлемы, у всех без исключения цвета епископа. За ними располагался хор: десятка два мальчишек, распевających псалом.

– *Domine eduxisti*, – выводили они, – *de inferno animam meam vivificasti me ne descenderem in lacum*.

– Он бы растолковал, что это значит, – пробормотал Сэм, постучав себя по эмблеме и явно имея в виду Бастарда.

– Это означает, что Бог извел души наши из ада, – объяснил брат Майкл. – Дал нам жизнь и оберегает нас от преисподней.

– Очень любезно со стороны Бога, – заметил Сэм. Он небрежно поклонился всадникам и коснулся рукой шлема. – Это епископ, – пояснил лучник.

Брат Майкл увидел высокого мужчину, смуглое лицо которого обрамлял стальной шлем. Он восседал на коне под знаменем с изображением епископского посоха и крестов.

– Ждет, когда мы завершим битву, – проворчал Сэм. – Они все такие. Идите и сражайтесь за нас, говорят. А потом напиваются вдрызг, оставляя нам всю кровавую работу. Впрочем, за это мы и получаем деньги. Поосторожнее, брат, тут опасно. – Он стащил с плеч лук, провел монаха чуть дальше по улице, потом остановился на углу, осмотрелся и добавил: – Чертовски опасно.

Брат Майкл, которого творящаяся вокруг бойня завораживала и пугала, пристроился рядом с Сэмом и обнаружил, что они добрались до окраин города и находятся на границе обширного открытого пространства, вероятно рыночной площади. На дальней его стороне в черной скале были прорублены ведущие в замок ворота. Надвратное укрепление, освещенное факелами из невысокой башни, было увешано большими штандартами. Часть из них взывала о помощи святых, на других красовался герб с золотым кречетом. Арбалетный болт попал в стену рядом с монахом и заскользил по камням мостовой.

– Если возьмем замок завтра до заката, наши деньги удвоятся, – сказал Сэм.

– Удвоятся? Почему?

– Потому что завтра День святой Бертиллы, – ответил лучник. – А жену нашего нанимателя зовут Бертилла. Поэтому падение замка докажет, что Бог на нашей стороне, а не на ее.

Теологическая выкладка показалась брату Майклу сомнительной, но он предпочел не спорить.

– Так это и есть сбежавшая жена?

– И кто ее осудит? Этот граф – настоящая свинья, мерзкий боров, но брак есть брак, да? И воистину ад замерзнет в тот день, когда женщинам будет дозволено выбирать себе мужа. И все-таки мне ее жалко – выйти за такого борова!

Он наполовину натянул тетиву, шагнул за угол, ища цель, но не увидел ни одной и отступил.

– И вот бедняжка тут, – продолжил стрелок. – А боров платит нам за то, чтобы мы вернули ее как можно скорее.

Брат Майкл выглянул за угол и отпрянул, когда два арбалетных болта блеснули в свете факелов. Они ударили в стену рядом с ним и, срикошетив, полетели дальше по улице.

– А ты везунчик! – радостно воскликнул Сэм. – Ублюдки засекли меня, прицелились, а тут ты выглядываешь. Умей эти придурки стрелять, ты сейчас бы уже в раю был.

– Вам никогда не вытащить леди оттуда, – выразил свое мнение монах.

– Это почему?

– Замок слишком сильный.

– Но мы-то эллекины! – заявил Сэм. – А это означает, что крошке осталось всего час пробыть с любимым парнем. Надеюсь, он славно приголубит ее на память.

Майкл вспыхнул под покровом темноты. Женщины не давали ему покоя. Большую часть его жизни искушение проходило стороной, потому как, будучи заперт в цистерцианской обители, юноша не часто видел представительниц иного пола. Зато путь из Карлайла оказался усеян тысячами дьявольских ловушек. В Тулузе одна шлюха обхватила его со спины и приласкала. Он вырвался, дрожа от смущения, и упал на колени. Ее смех как плетью резанул по его душе, так же как воспоминания о прочих девушках, которых он встречал, на которых смотрел, о которых думал. Мысленно увидев перед собой белую нагую кожу убитой у городских ворот, брат понял, что Сатана снова искушает его, и собирался было укрепить дух молитвой, но его внимание привлек звук рассекаемого воздуха. Он увидел, что на рыночную площадь обрушился град арбалетных болтов. Некоторые, чиркая по камням мостовой, высекали искры. Брат Майкл удивился, с чего это защитникам стрелять, потом заметил закутанные в темные плащи фигуры, которые выныривали из всех проулков и перебегали открытое пространство. Это были лучники, начавшие пускать стрелы в направлении замковой стены. Настоящие облака стрел – не коротких, с кожаным хвостом железных болтов арбалетчиков, но английских стрел – длинных, белоперых. Они бесшумно устремлялись к замку, будучи выпущены из мощных тисовых луков, пеньковая тетива которых при выстреле издавала щелчок, похожий на высокую ноту арфы. Срываясь с тетивы, стрелы трепетали, перья забирали воздух, и посланцы взмывали вверх белыми вспышками в темноте, отражая стальным наконечником свет факелов. Монах обратил внимание, что поток болтов, такой плотный минуту назад, теперь вдруг иссяк. Лучники осыпали укрепления стрелами, заставив арбалетчиков спрятаться за парапетом, одновременно другие эллекины целили в узкие бойницы, прорезанные в башнях. Звук стальных наконечников, врезающихся в камни, напоминал шум дождя, падающего на мостовую. Один из стрелков рухнул навзничь с торчащим в груди болтом, но это была единственная потеря, которую видел брат. Потом Майкл услышал скрип колес.

– Отойди! – велел Сэм.

Монах подался назад, и мимо него прогрехотала повозка – небольшая, достаточно легкая, чтобы ее могли толкать шесть человек. Однако ее утяжелили десять больших павез – щитов размером с человеческий рост, предназначавшихся для защиты арбалетчиков, перезаряжающих свое неуклюжее оружие. Павезы были установлены спереди и по бокам, чтобы прикрывать толкающих телегу, груженную маленькими деревянными бочонками.

– И часа много. – Сэм вышел на улицу, как только повозка проехала. Он натянул тетиву большого лука и пустил стрелу в направлении замковых ворот.

Была странная тишина. Брату Майклу казалось, что битвы сопровождаются шумом. Он ожидал услышать призывы воинов к Богу о спасении души, крики страха и боли, но единственными звуками были вопли женщин в нижнем городе, треск пламени, струнная музыка спускаемой тетивы, грохот колес по мостовой да стук стрел и болтов, ударяющихся о камень. Майкл благоговейно наблюдал, как Сэм стреляет, вроде как не целясь, а просто посылая стрелу за стрелой в направлении замковых укреплений.

– Хорошо, что видно, – произнес Сэм, в очередной раз спустив тетиву.

– Из-за пожаров, хочешь сказать?

– Ради этого мы и подпалили дома. Чтобы подсветить ублюдков.

Он выстрелил еще раз, без всякого видимого усилия. А вот когда брат Майкл попытался однажды согнуть тисовый лук, то не смог натянуть тетиву больше чем на ширину ладони.

К этому времени повозка достигла ворот замка. Там она остановилась – темная тень под темной аркой. Брат Майкл заметил, как во мгле затрепетал огонек: померк, ожил, затем разгорелся до ровного приглушенного пламени. Шестеро, толкавшие телегу, тем временем бежали назад к лучникам. Один из них упал, – очевидно, в него попал арбалетный болт. Двое других подхватили раненого под руки и потащили дальше, и в этот миг монах впервые заметил Бастарда.

– Это он, – ласково бросил Сэм. – Наш чертов ублюдок.

Брат Майкл увидел высокого мужчину в перехваченной поясом длинной кольчуге, выкрашенной в черный. На нем были высокие сапоги, черные ножны, а шлемом служил простой басинет⁸ того же цвета, что и кольчуга. Меч он обнажил и махал им, приказывая дюжине солдат выдвинуться и построиться в линию, заведя щит за щит, на открытом пространстве. Он посмотрел в сторону брата Майкла, и монах углядел, что нос Бастарда сломан, а через щеку проходит шрам. Но еще он прочитал в его лице силу и свирепость и понял, почему аббат в Павилле отзывался о нем с таким уважением. Цистерцианец ожидал найти человека в возрасте – и был поражен, что облаченный в черное воин выглядел таким молодым. Затем Бастард заметил Сэма.

– Мне казалось, ты должен охранять церковь, – сказал он.

– Рябой и Джонни остались там, – ответил Сэм. – Но я привел вот этого парня повидаться с тобой.

Лучник кивнул на брата Майкла.

Монах сделал шаг вперед и ощутил всю силу взгляда Бастарда. Его обуял внезапный страх, а во рту пересохло.

– У меня для тебя послание, – промямлил он. – Оно от...

– Позже, – прервал его Бастард.

Слуга подал ему щит, который тот надел на левую руку, потом командир наемников посмотрел на замок.

Тот внезапно окутался дымом и пламенем. Дым был черным и багровым; пронизанный острыми языками пламени, он наполнял ночь под оглушительный грохот, от которого брат Майкл в ужасе присел. Во тьме полетели горящие обломки, а волна горячего воздуха пронеслась через узкую горловину улицы. Открытое пространство затянуло дымом, а рокот взрыва эхом отразился от дальней стороны долины и покатился назад. Птицы, селившиеся в расселинах замковой стены, взмыли в дымный воздух. Один из больших штандартов, взывавший к помощи святого Иосифа, занялся и вспыхнул, ярко освещая укрепления.

– Порох, – лаконично пояснил Сэм.

– Порох?

– Ловкий он ублюдок, наш Бастард. Вмиг ворота выбил, разве не так? Учти, это штука дорогая. Оставшемуся без жены борову пришлось заплатить вдвойне, если он захотел, чтобы мы использовали порох. Должно быть, ему очень нужна эта сучка, раз он так ради нее раскошеляется! Надеюсь, она того стоит.

Брат Майкл заметил небольшое пламя, пробивающееся через валивший из-под арки густой дым. Он вдруг понял, почему городские ворота выглядели так, будто их вырвал, вычернил и раскидал дьявольский кулак. Бастард проложил себе путь в город при помощи пороха и повторил этот же трюк с массивными деревянными створками входа в замок. Теперь он вел два десятка воинов к обломкам.

⁸ Басинет – полусферическая каска.

– Лучники! – раздался чей-то голос, и стрелки, включая Сэма, последовали за пехотинцами к воротам. Шли они молча, и это тоже навевало ужас. Эти люди в черных с белым накидках приучились тихо жить и без жалости сражаться в мрачной юдоли смерти. Никто из них не казался пьяным. Эти парни были дисциплинированы, умелы и наводили страх.

Бастард исчез в дыму. Из замка доносились крики, но монах не мог разглядеть происходящего там, хотя штурмующие явно проникли внутрь, поскольку лучники теперь потоком вливались через коптящую арку ворот. За ними следовали другие – воины с гербами епископа и графа, искавшие новой поживы в обреченной крепости.

– Это может быть опасно, – предупредил юного монаха Сэм.

– С нами Бог! – воскликнул брат Майкл и удивился яростному возбуждению, охватившему его. Такому яростному, что он перехватил свой посох паломника так, будто это было оружие.

С городской улицы замок казался огромным, но, пробравшись через обугленные ворота, брат Майкл обнаружил, что он значительно меньше, чем представлялось. В нем не было цитадели или донжона, а только надвратное укрепление и еще одна массивная башня – она разделяла небольшой внутренний двор, на котором распласталось с дюжину умирающих арбалетчиков в красных с золотом накидках. Одного из них выпотрошило взрывом, но, хотя его внутренности растеклись по камням мостовой, бедолага был еще жив и стонал. Монах остановился, собираясь оказать страдальцу помощь, но отскочил, когда Сэм, с легкостью столь же обыденной, сколь и бессердечной, перерезал раненому горло.

– Ты убил его! – в ужасе воскликнул цистерцианец.

– Ясное дело, что убил, – весело отозвался лучник. – А что мне с ним надо было сделать? Поцеловаться? Надеюсь, кто-нибудь сделает для меня то же самое, если я окажусь в таком положении.

Он стер кровь с короткого ножа. Один из защитников закричал, падая с парашюта надвратного укрепления, другой спустился, шатаясь, с ведущей на башню лестницы и рухнул у ее подножия.

Ступени вели к двери, но то ли ее изначально никто не охранял, то ли мужество покинуло обороняющихся после взрыва главных ворот, но воины Бастарда хлынули в башню беспрепятственно. Брат Майкл потянулся за ними, но остановился, слышав зов трубы. Кавалькада облаченных в белое и зеленое всадников прокладывала себе путь через замковые ворота, мечами разгоняя своих же собственных ратников с дороги. В самой середине конников, под их надежной защитой, восседал на громадной лошади чудовищно толстый мужчина в пластинчатых доспехах. У подножия лестницы кавалькада остановилась. Чтобы помочь толстяку слезть с седла и утвердиться на ногах, потребовалось четверо помощников.

– Его пороссячье лордство, – язвительно заметил Сэм.

– Граф де Лабруйяд?

– Один из наших нанимателей, – сказал лучник. – А вот и второй.

Следом за графом ворота миновал и епископ со своими людьми. Когда двое военачальников ступили на лестницу и принялись взбираться в башню, Сэм и Майкл преклонили колени.

По недлинному пролету из низких ступеней монах и лучник поднялись за свитой епископа в переднюю, а оттуда попали в большой зал – высокое помещение с колоннами, освещенное дюжиной коптящих факелов и увешанное гобеленами с изображением золотого крестца на красном фоне. В зале уже собралось по меньшей мере человек восемьдесят. Они подались в стороны, давая графу де Лабруйяду и епископу Лаванскому пройти к помосту, на котором двое парней Бастарда держали поставленного на колени побежденного сеньора. Позади них, высокий и черный в своей броне, расположился сам Бастард; лицо его не выражало никаких эмоций. Рядом с ним стояла молодая женщина в красном платье.

– Это и есть Бертилла? – уточнил брат Майкл.

– Больше никому. – Сэм присвистнул. – А недурна кобылка!

Брат Майкл смотрел не дыша и на один еретический момент пожалел, что принял постриг. Бертилла, неверная графиня де Лабруйяд, была не просто недурной кобылкой, но настоящей красавицей. На вид никак не старше двадцати, с милой мордашкой, не испорченной шрамами или оспинами, с сочными губками и темными глазами. Волосы у нее были черные и вились, зрачки ее расширились, но вопреки очевидному ужасу лицо Бертиллы казалось столь прелестным, что брат Майкл, сам едва отметивший двадцать второй день рождения, затрепетал.

Никогда прежде не встречал он создания столь прекрасного. Монах глубоко вздохнул, перекрестился и мысленно взмолился Пресвятой Деве и архангелу Михаилу с просьбой уберечь от искушения.

– Она стоит цены пороха, честное слово, – оживленно заметил Сэм.

Брат Майкл смотрел, как супруг Бертиллы, сняв шлем и обнажив седые волосы и жирное, поросыачье лицо, заковылял к ней. Из-за тяжести напыленных доспехов графа настигла одышка. Не дойдя пары шагов до помоста, он остановился и уставился на платье жены, на груди которого был вышит золотой кречет – эмблема ее побежденного любовника.

– Сдается мне, мадам, что вы проявили дурной вкус, выбирая наряд, – сказал граф.

Графиня упала на колени и протянула стиснутые руки к супругу. Она хотела заговорить, но из горла ее вырвалось лишь визгливое рыдание. Свет факелов отражался в слезах на щеках. Брат Майкл напоминал себе, что перед ним изменщица, грешница, распутница, отлученная от милости Божьей. Сэм посмотрел искоса на монаха и подумал, что однажды женщина может довести до беды его нового приятеля.

– Сорвите с нее этот герб, – приказал граф своим воинам, указывая на вышитого на платье жены золотого кречета.

Эти двое, звякая кольчугами и тяжело топая подбитыми железом сапогами по плитам пола, взобрались на помост и схватили графиню. Та пыталась сопротивляться, один раз вскрикнула, но утихла, когда первый из мужчин завел ей руки за спину, а второй вытащил из-за пояса короткий нож.

Брат Майкл инстинктивно дернулся, словно намереваясь помочь женщине, но Сэм ухватил его рукой.

– Она жена графа, брат, а значит – его собственность, – вполголоса напомнил лучник. – Он может делать с ней все, что вздумается, а если ты вмешаешься, вспорет тебе брюхо.

– Я не... – начал было монах, затем решил лучше умолкнуть, чем солгать, потому как собирался именно вмешаться или по меньшей мере выразить протест. Но теперь просто смотрел, как воин кромсает дорогую ткань, отпарывая от алой материи золотые нити.

Он изодрал весь перед платья до самой талии графини, завладел наконец вышитым кречетом и швырнул его под ноги хозяину. Освободившись из лап второго солдата, молодая женщина согнулась, прижимая к груди остатки одеяния.

– Вийон, посмотри на меня! – скомандовал граф.

Пленник, удерживаемый двумя людьми Бастарда, неохотно поднял глаза на врага. Это был молодой мужчина, красивый как сокол. Не далее часа назад он был владельцем этого замка, господином земель и собственником крестьян. Теперь же превратился в ничто. Он был в кольчуге с нагрудником и наножными пластинами, а пятно крови на темных волосах указывало на то, что он дрался с осаждающими. Но сейчас Вийон оказался в их руках и был вынужден смотреть, как жирный граф пыхтит, задирая подол своей кольчуги. Никто в зале не шевелился и не говорил, все просто наблюдали, как его сиятельство раздвигает сталь и кожаную поддевку и с ухмылкой на лице мочится на кречета, содранного с платья его жены. Пузырь у него был вместимостью с бычий, и урина лилась длинной струей. Где-то в замке раздался крик. Крик тянулся и тянулся, наконец, слава Всевышнему, оборвался.

В тот же миг граф покончил со своим занятием, потом протянул руку, в которую его оруженосец вложил небольшой нож с хищно изогнутым лезвием.

– Видишь это, Вийон? – Толстяк поднял клинок так, чтобы на него упал свет факелов. – Знаешь, что это такое? – (Вийон, которого удерживали двое солдат, ничего не ответил.) – Это для тебя, – продолжил граф. – Она поедет обратно в Лабруйяд. – Он указал ножом на жену. – И ты тоже, только сначала мы тебя обрежем.

Парни в зеленых и белых накидках осклабились, предвкушая удовольствие зреть чужую боль. Нож со ржавым лезвием и рукояткой из потертого куска дерева служил для кастрации – им холостили баранов, телят или мальчишек, которых предназначали в хоры больших церквей.

– Разденьте его! – приказал граф своим людям.

– О Боже! – прошептал брат Майкл.

– Жидковат для такого зрелища, брат? – осведомился Сэм.

– Он хорошо дрался, – раздался новый голос, и монах заметил, что Бастард подошел к краю помоста. – Он храбро сражался и заслуживает права умереть как мужчина.

Кое-кто из приспешников графа положил руку на эфес меча, но епископ взмахнул рукой, призывая успокоиться.

– Он преступил закон Божий и человеческий, – обратился прелат к Бастарду. – И поставил себя вне пределов рыцарства.

– Это моя вражда, не твоя, – рыкнул на командира наемников граф.

– Он мой пленник, – напомнил Бастард.

– Когда мы тебя нанимали, ты согласился, что все пленники будут принадлежать графу и мне, независимо от того, кто их захватит, – заявил епископ. – Ты станешь это отрицать?

Бастард замялся, но было очевидно, что церковник говорит правду. Высокий, облаченный в черное воин оглядел помещение, но его людей явно насчитывалось намного меньше, чем воинов епископа и графа.

– В таком случае я призываю вас позволить ему предстать перед Богом, как подобает мужчине, – обратился он к прелату.

– Он распутник и греховодник, – возразил тот. – И я предоставляю графу поступать с ним так, как ему вздумается. И напоминаю тебе, что условия твоей платы предусматривают подчинение всем нашим разумным приказам.

– Но этот не разумный, – не сдавался Бастард.

– Приказ отступить в сторону – разумный, – отрезал епископ. – И я отдаю его тебе.

Воины графа застучали по полу щитами, выказывая свое согласие, и Бастард, осознавая численный перевес соперника и силу его аргументов, пожал плечами и отошел в сторону. Брат Майкл увидел, как один из солдат взял нож для кастрации. Не в силах вынести дальнейшего, монах проложил себе путь к ведущей в башню лестнице и жадно вдохнул насыщенный дымом ночной воздух. Ему хотелось убраться подальше, но люди графа нашли в замковых стойлах быка и теперь мучили животное. Они кололи его мечами и копьями и бросались врассыпную, когда бык кидался на них. Поэтому цистерцианец не решился пройти через площадку для этой игры. А потом из зала донеслись крики.

На плечо монаху легла чья-то рука, и он повернулся и вскинул тяжелый посох, но увидел перед собой священника, весьма пожилого, который предложил ему флягу с вином.

– Похоже, ты не одобряешь поступок графа? – осведомился старик.

– А ты?

Священник пожал плечами:

– Вийон отобрал у графа жену, так чего же он ждал? К тому же Церковь благословляет месть графа, и не без причины. Вийон – человек презренный.

– А граф, значит, нет? – Брат Майкл пришел к выводу, что ненавидит толстяка с его седыми волосами и жирными щеками.

– Я его капеллан и исповедник, поэтому знаю, какой он, – промолвил пожилой священник. Голос его звучал уныло. – А что тебя привело в эти края?

– Я принес послание для Бастарда, – ответил брат Майкл.

– Какое послание?

Англичанин мотнул головой:

– Я не читал.

– Всегда следует читать письма, – с улыбкой заявил старик.

– Оно запечатано.

– Тут способен помочь нагретый нож.

Монах нахмурился:

– Мне было велено не читать его.

– Кем велено?

– Графом Нортгемптонским. Он сказал, что послание срочное и личное.

– Срочное?

Брат Майкл перекрестился.

– Поговаривают, принц Уэльский собирает новое войско. Думаю, Бастарду приказывают примкнуть к нему. – Молодой человек пожал плечами. – По крайней мере, это вполне правдоподобно.

– Вполне.

Разговор отвлек Майкла от жутких воплей, доносящихся из зала. Крики постепенно стихли, перейдя в жалобные стоны, и только затем капеллан снова повел монаха в освещенную факелами палату. Брат старался не смотреть на обнаженное нечто на кровавом полу. Он держался в глубине зала, укрываясь от оскопленного мужчины за рядами кольчужных воинов.

– Мы покончили, – сказал граф де Лабруйяд, обращаясь к Бастарду.

– Покончили, милорд. – Бастард кивнул. – За исключением того, что ты должен нам за быстрый захват замка.

– Я должен тебе, – согласился граф. – Деньги ждут тебя в Павилле.

– В таком случае, милорд, мы идем в Павилль. – Бастард поклонился графу, потом хлопнул в ладоши, призывая своих людей к вниманию. – Вы знаете, что нужно делать. Выполняйте!

Солдатам Бастарда предстояло позаботиться о раненых, разыскать своих убитых и собрать растроченные в бою стрелы, поскольку в Бургундии, Тулузе или Провансе таких было не найти. Рассвет наступил прежде, чем наемники проследовали через разрушенные городские ворота, пересекли мост в долине и свернули к востоку. Раненых везли на повозках, но все остальные ехали верхом. Брат Майкл, успевший прикорнуть на пару часов, смог наконец пересчитать отряд Бастарда. Он выяснил, что часть эллекина осталась охранять замок Кастийон, служивший для них убежищем, но в распоряжении Бастарда все равно находились значительные силы. Здесь было шесть с небольшим десятков лучников, все англичане и валлийцы, и тридцать два латника, по преимуществу гасконцы, а также представители итальянских государств, несколько бургундцев, с дюжину британцев и даже обитатели более далеких краев. Все это были искатели приключений, жадные до денег и находившие их на службе у Бастарда. С учетом слуг и оруженосцев эти воины образовывали мощный отряд, который мог нанять любой лорд, способный позволить себе лучшее. Впрочем, тот, кто намеревался выступить против англичан или их гасконских союзников, вынужден был искать кого-то другого, потому как тут Бастард отказывался. Он говаривал частенько, что ему нравится помогать врагам Англии истреблять друг друга, да еще получать деньги за эту помощь. Эти люди были наемниками и называли себя эллекином, то есть свитой дьявола. Они похвалялись, что их нельзя победить, потому как их души уже проданы в ад.

И, в первый раз увидев их в бою, брат Майкл охотно поверил им.

Глава 2

Граф де Лабруйяд торопился покинуть Вийон и укрыться в своей крепости, которая благодаря рву и подъемному мосту была неуязвима для примененного Бастардом метода взлома ворот при помощи пороха. А укрытие требовалось графу, поскольку Бастард, по его убеждению, вскоре рассорится с ним. Поэтому, оставив воинов епископа удерживать захваченный замок Вийона, он с собственными силами – шестьдесят пехотинцев и сорок три арбалетчика – поспешил домой в Лабруйяд.

Однако путешествие его задерживали пленные. Он подумывал выпороть Бертилли в Вийоне, даже приказал одному из слуг принести хлыст из конюшни, но потом отсрочил наказание ради скорейшего возвращения домой. Но унизить ее ему хотелось, и с этой целью граф захватил из Лабруйяда повозку. Она стояла в тамошнем сарае, сколько он себя помнил. На полук повозки была установлена клетка – достаточно просторная, чтобы вместить танцующего медведя или быка для боев. Вероятно, с этой целью ее и сколотили. А быть может, какой-то из предков использовал ее для пленников или перевозил злобных мастифов, применявшихся в охоте на вепря. Но для чего бы ни предназначалась она ранее, теперь тяжелой повозке предстояло стать тюрьмой для его жены. Графа де Вийона, окровавленного и обессиленного, везли в другой телеге. Если мужчина выживет, граф собирался приковать его нагим во дворе, чтобы он служил объектом насмешек и столбом, под которым оставляют метки собаки. Во время неспешного пути на юг эта перспектива грела толстяку душу.

Около дюжины легковооруженных всадников он отрядил на восток. Их задачей было следить за передвижениями наемников Бастарда и докладывать, если англичанин начнет погоню. Но это казалось теперь маловероятным, потому как капеллан графа принес добрую весть.

– Полагаю, мессир, Бастард получил вызов от своего сеньора, – сообщил он де Лабруйяду.

– А кто его сеньор?

– Граф Нортгемптонский, мессир.

– В Англии?

– Из тех краев прибыл монах, мессир, – продолжил духовник. – Он предполагает, что Бастарду отдан приказ присоединиться к принцу Уэльскому. По его словам, сообщение было срочным.

– Надеюсь, он не ошибся.

– Такое объяснение самое вероятное, мессир.

– И если ты прав, то Бастард поедет в Бордо! Подальше отсюда!

– Но он может и вернуться, мессир, – предупредил отец Венсан.

– Когда-нибудь, может быть, – беззаботно отмахнулся де Лабруйяд.

Он не переживал, потому как, если Бастард удалится в Гасконь, у графа появится время, чтобы набрать больше воинов и укрепить замок. Толстяк придержал коня, давая повозкам поравняться с собой, чтобы он мог полюбоваться на нагого и окровавленного врага. Зрелище его порадовало: Вийон корчился от боли, а Бертилли ожидало подобающее прелюбодейке наказание. Жизнь хороша, подумалось графу.

Его жена рыдала. Солнце поднималось, обещая жаркий день. Крестьяне опускались на колени перед проезжающим графом. Дорога взбиралась на холмы, разделявшие земли Вийона и Лабруйяда. В первых царилась смерть, тогда как другие ликовали, ведь их хозяин свершил свою месть.

* * *

Павилль находился всего в двух часах езды на запад от захваченного замка. Некогда это был процветающий город, славный своим монастырем и качеством вина, но теперь в обители осталось всего тридцать два монаха, а в самом городишке ютилось менее двух сотен душ. Нагрянула чума, и половина здешних жителей покоилась теперь в полях за рекой. Городские стены осыпались, а монастырские виноградники поросли сорняком.

Эллекины собрались на рыночной площади близ аббатства, а своих раненых устроили в местном лазарете. Чистили уставших лошадей, ремонтировали стрелы. Брат Майкл собирался перекусить чем-нибудь, но к нему подошел Бастард.

– Шестеро из моих парней умирают там. – Он кивнул в сторону монастыря. – Еще четверо тоже могут не выжить. Сэм сказал мне, что ты работал в инфирмarii?

– Верно, – ответил монах. – А еще у меня есть для тебя письменное послание.

– От кого?

– От графа Нортгемптонского, лорд.

– Не обращай так ко мне. Чего хочет Билли? – Бастард подождал ответа и нахмурился, так и не получив его. – Только не говори, что не прочел письма! Что ему понадобилось?

– Я не читал! – возразил брат Майкл.

– Честный монах? Да узрит свет чудо! – Бастард не принял протянутое послание. – Ступай и присмотри за моими ранеными. Письмо я прочитаю позже.

Цистерцианец провозился около часа, помогая двум другим монахам промывать и бинтовать раны, а когда закончил и снова вышел на свет, то увидел, как двое мужчин пересчитывают кучу подозрительного вида монет.

– Договор гласил, что плату мы получим в генуанах⁹, – говорил Бастард аббату.

У того на лице читалась тревога.

– Граф настоял на замене монет, – ответил он.

– С твоего согласия? – спросил командир наемников.

Настоятель пожал плечами.

– Он надул нас, – сказал Бастард. – И ты помог свершиться обману!

– Граф прислал солдат, лорд, – виновато пролепетал аббат.

Лабруйяд обязался уплатить Бастарду в генуанах, добрых золотых монетах, пользовавшихся общим доверием, но, как только воины Бастарда проверили монеты, граф прислал своих подручных, которые изъяли генуаны, заменив их кучей оболлов, экую, аньонов, флоринов, денье и кучками пенсов, – золотых монет тут не оказалось ни одной, многие были истерты или подрезаны. Поэтому, хотя номинальная величина платы соответствовала условленной, фактическая ее ценность не составляла и половины.

– Его люди заверили меня, что сумма та же самая, лорд, – добавил настоятель.

– И ты в это поверил? – мрачно осведомился командир наемников.

– Я возражал, – заявил аббат, обеспокоенный тем, что не получит обычной доли за хранение денег.

– Да уж не сомневаюсь, – сказал Бастард тоном, подразумевавшим уверенность в обратном. Он по-прежнему был облачен в свой черный доспех, но снял басинет, под которым обнаружились коротко подстриженные черные волосы. – Лабруйяд ведь дурак, не правда ли?

– Круглый дурак, – охотно подтвердил церковник. – Его отец был еще хуже. Фьеф Лабруйядов включал некогда все земли отсюда до самого моря, но старик разбазарил почти всю

⁹ Имеется в виду средневековая золотая монета Генуи – дженовино. Получила в то время широкое хождение.

южную часть. Сын более бережлив. Он богат, разумеется, очень богат, но щедрым его не назовешь.

Аббат умолк, глядя на грудку истертых, неровных и гнутых монет.

– Что будешь делать? – нервно спросил он.

– Делать? – Бастард задумался, затем пожал плечами. – Деньги я, так или иначе, получил, – сказал командир наемников. Потом принял окончательное решение. – Это работа для законников.

– Для законников, точно. – Аббат, опасавшийся, что его обвинят в подмене монет, не мог скрыть облегчения.

– Только не в собственном суде графа, – продолжил Бастард.

– Быть может, дело стоит рассмотреть в суде епископа? – предложил настоятель.

Бастард кивнул, потом строго посмотрел на церковника:

– Я рассчитываю на твои показания.

– Разумеется, лорд.

– И хорошо заплачу за них, – добавил командир.

– Можешь не сомневаться в моей поддержке, – заверил аббат.

Бастард подбросил одну из монет в воздух. Ладонь у него была искалечена, как если бы пальцы попали под что-то тяжелое.

– Итак, мы передаем тяжбу законникам, – объявил он. Потом приказал своим людям уплатить аббату самыми добрыми из монет, которые найдутся в куче этогохлама. – Тебя я ни в чем не виню, – сказал он обрадованному священнослужителю, затем повернулся к брату Майклу.

Монах извлек из кошель пергамент и попытался вручить его адресату.

– Минутку, брат, – остановил его Бастард.

К собеседникам приближались женщина и ребенок. До этого брат Майкл не обращал на них внимания, потому что они ехали с другими женщинами, сопровождавшими эллекин, и во время приступа в город не входили. А теперь он заметил ее. Заметил и затрепетал. Весь день напролет его преследовал образ Бертилле; эта женщина была столь же красива, хоть и красотой совсем иного рода. Бертилла была смуглой, нежной и робкой, эта – светлой, крепкой и яркой. Рослая, почти с Бастарда, с золотистыми волосами, которые казались сияющими в лучах первого зимнего солнца. Ее отличали умный взгляд, широкий рот и длинный нос, а стройное тело было облачено в кольчугу, которой при помощи проволоки, песка и уксуса придали такой блеск, что она казалась выкованной из серебра. «Боже милосердный! – подумал монах. – Да там, где она пройдет, должны распускаться цветы!» Ребенок, мальчик лет семи-восьми, лицом походил на мать, но волосы у него были такие же черные, как у Бастарда.

– Моя жена Женестьева, – представил женщину Бастард. – И мой сын Хью. А это брат... – Тут он умолк, потому что имени монаха не знал.

– Брат Майкл, – подсказал тот, не в силах отвести глаз от Женестьевы.

– Он доставил послание для меня, – сообщил командир наемников супруге и знаком велел монаху передать Женестьеве потрепанный клочок пергамента. Печать графа высохла, потрескалась и обсыпалась.

– Сэр Томас Хуктонский, – прочла Женестьева имя, начертанное поперек сложенного письма.

– Меня зовут Бастард, – заявил Томас.

Крестили его как Томаса, и большую часть жизни он называл себя Томасом из Хуктона, хотя имел право на имя более звучное. За семь лет до этого граф Нортгемптонский возвел его в рыцарское достоинство, и вопреки незаконности рождения Томас получил право на лен в восточной Гаскони. Однако он предпочитал величать себя Бастардом. Это прозвище вселяло страх во врагов, а испуганный враг уже наполовину разбит. Командир взял переданное женой

послание, поддел ногтем печать, потом решил – письмо подождет. Вместо того чтобы вскрыть его, сунул за пояс и хлопнул в ладоши, привлекая внимание воинов.

– Через несколько минут мы поскачем на запад! Готовьтесь! – Потом он повернулся и отвесил аббату поклон. – Благодарю тебя, – вежливо проговорил наемник. – Законники наверняка придут потолковать с тобой.

– Помощь Небес не оставит их, – с жаром заверил настоятель.

– Вот это – для моих раненых. – Томас отсыпал еще монет. – Позаботься о них, а если кто умрет, похорони и отслужи мессу.

– Разумеется, лорд.

– Я вернусь и проверю, хорошо ли с ними обращались.

– С радостью в сердце буду ожидать твоего приезда, – солгал церковник.

Эллекины уселись в седла, скверные монеты были ссыпаны в кожаные мешки, которые навьючили на обозных лошадей, Томас попрощался с ранеными в лазарете. Затем, пока солнце оставалось еще достаточно низко на востоке, отряд выступил на запад. Брат Майкл ехал на выделенном на время коне рядом с Сэмом, который, невзирая на юный возраст, явно был одним из предводителей лучников.

– Бастард часто прибегает к услугам законников? – поинтересовался монах.

– Он их на дух не выносит, – ответил Сэм. – Будь его воля, он покидал бы всех этих чертовых крючкотворов в самую глубокую яму в аду, чтобы дьявол на них испражнялся.

– Но все же пользуется ими?

– Пользуется? – Лучник расхохотался. – Так он сказал аббату? – Сэм кивнул на восток. – В той стороне, брат, за нами следует с полдюжины парней. Они не шибко умные, поскольку дали себя заметить, и теперь беседуют с церковником. Потом поскачут назад к хозяину и доложат, что мы держим путь на запад, и их толстое сиятельство станет поджидать визита блюстителей закона. Да только не дождется. Вместо них пожалуют они.

Тут он постучал по гусиным перьям стрел, торчащих из мешка. На некоторых из перьев виднелись пятна засохшей после битвы в Вийоне крови.

– Хочешь сказать, мы идем биться с графом? – изумился брат Майкл, не заметив, что употребил слово «мы». И не вспомнив о том, что ему сейчас полагается не скакать с эллекинами, а шагать по дороге на Монпелье – продолжать обучение.

– Естественно, мы сразимся с ним, черт подери! – пренебрежительно бросил Сэм. – Треклятый граф надул нас, ведь так? Поэтому, как только эти тупые ублюдки закончат трепаться с аббатом, мы свернем на юго-восток. За нами они не пойдут, потому как решат, что наш путь лежит на запад. Это ленивые ублюдки из той породы, которая не видит дальше доньшка своей кружки с элем. А вот Томас дело другое – Томас думает на две кружки вперед, да.

Бастард услышал отвешенный комплимент и повернулся в седле.

– Только на две кружки?

– На сколько хочешь, – отозвался Сэм.

– Все зависит от того, останется граф де Лабруйяд в замке, который мы для него захватили, или нет, – пояснил Томас, дав брату Майклу поравняться с собой. – Думаю, что нет. Там он не чувствует себя в безопасности, да и такие люди любят роскошь. Поэтому, скорее всего, граф отправится на юг.

– А ты поскачешь, чтобы встретиться с ним?

– Чтобы устроить засаду, – ответил Томас. Он бросил взгляд на солнце, прикидывая время. – С Божьей помощью, брат, к вечеру мы перекроем ему дорогу.

Бастард извлек из-за пояса пергамент.

– Ты не читал это?

– Нет! – не сдавался брат Майкл – и говорил правду.

Он наблюдал, как Бастард взламывает печать и разворачивает хрусткий лист. Потом установился на Женевиёву, которая вела свою серую кобылу бок о бок с конем мужа. Томас заметил жадный взгляд цистерцианца и усмехнулся.

– Брат, ты разве не видел вчера вечером, какая судьба постигла мужчину, завладевшего чужой женой?

Майкл залился краской.

– Я... – промямлил он, но так и не нашелся что сказать.

– Кроме того, моя супруга – еретичка, – продолжил Бастард. – Она отлучена от Церкви и обречена попасть в ад. Как и я. Это тебя не смущает?

Брат Майкл так и не обрел дар речи.

– И почему ты еще здесь? – осведомился Томас.

– Здесь? – не понял молодой монах.

– Разве тебе не даны указания?

– Мне надлежит идти в Монпелье, – признался цистерцианец.

– Это туда, брат, – указал Томас, махнув на юг.

– Мы ведь поедем на юг, – сухо заметила Женевиёва. – Полагаю, брат Майкл будет рад ехать с нами.

– Будет? – уточнил Бастард.

– Очень, – признался монах, удивляясь своей искренности.

– Тогда добро пожаловать в общество проданных дьяволу душ, – промолвил Томас.

Душ, которые повернули на юго-запад, чтобы преподать скаредному графу хороший урок.

* * *

Граф де Лабруйяд продвигался медленно. Лошади устали, по мере наступления дня становилось жарче, многие из солдат страдали от выпитого в захваченном городе вина, а повозки подпрыгивали на разбитых колеях. Но все это не имело значения, потому как вскоре после полудня посланные вслед за Бастардом разведчики вернулись и принесли именно те вести, которые хотел услышать де Лабруйяд. Англичанин усккал на запад.

– Вы уверены? – рявкнул граф.

– Мы следили за ним, господин.

– И что он делал? – с подозрением осведомился де Лабруйяд.

– Пересчитал деньги, господин; его люди сняли доспехи, а затем все поехали на запад. Все-все. Еще он сказал аббату, что обратится к законникам, чтобы истребовать плату.

– К законникам? – Граф расхохотался. – Тогда распря не уладится за всю нашу жизнь!

Опасность миновала, и неспешность путешествия перестала его волновать. Он остановился в жалкой деревушке и затребовал вина, хлеба и сыра, ни за что не уплатив. По мнению Лабруйяда, вознаграждение выражалось в возможности лицезреть его персону, и он искренне верил, что крестьяне не остались внакладе.

Подкрепившись, он провел ножом для кастрации по решеткам клетки, в которой находилась его жена.

– Не желаешь взять ножичек на память, Бертилла? – осведомился он.

Бертилла не ответила. Горло ее сдавило от рыданий, покрасневшие глаза не отрывались от заржавленного лезвия.

– Я обкорнаю тебе волосы, женщина, – пообещал граф. – И заставлю на коленях ползти до алтаря, вымаливая прощение. Бог, быть может, и простит вас, мадам, но я – нет, и вас ждет дорога в монастырь, на чем я с вами и покончу. Вы будете мыть там полы и стирать монахиням

одежду, пока не очиститесь от грехов, а затем станете жить в тоске и унынии до конца своих дней.

Она ничего не отвечала, графу надоели неудачные попытки помучить жену, и толстяк велел своим людям усадить себя в седло. К этому времени он избавился от доспехов и облачился в легкое сюрко¹⁰, украшенное его гербом. Кольчуги воинов тоже были навьючены на лошадей, так же как щиты и копья. Отряд скакал беззаботно, ничего не опасаясь, а арбалетчики топали позади вьючных коней, нагруженных тюками с добычей.

Ехали по дороге, которая шла в гору между рядами каштанов. Под кронами рылись поросята, и граф велел прирезать парочку, потому как обожал свинину. Туши взвалил на крышу клетки с графией, чтобы кровь стекала на ее разодранное платье.

Когда день начал клониться к вечеру, колонна достигла перевала, за которым начинались владения графа. Это было возвышенное место среди тощих сосен и громадных скал. Ходила легенда, что много-много лет назад войско сарацинов приняло здесь бой и все полегло. Местные жители приходили сюда, чтобы наслать на кого-нибудь проклятие. Эту практику официально осуждали и граф, и Церковь, но, когда Бертилла сбежала с любовником, де Лабруйяда поднялся на Сарацинский перевал и закопал тут монетку, потом трижды ударил по скале на вершине горы, наведя тем самым злые чары на Вийона. Чары сработали, и Вийон превратился в выхолощенное ничтожество, истекающее кровью на цепи в повозке для дерьма.

Свет начал меркнуть. Солнце пряталось за горами на западе, но до наступления темноты оставалось около часа – вполне достаточно, чтобы уставшие солдаты миновали перевал, за которым дорога бежала под гору до самого Лабруйяда. Колокола в замке зазвонят в честь победы графа, наполняя наступающую ночь ликованием.

И тут прилетела первая стрела.

* * *

Бастард повел три десятка лучников и двадцать два латника на юго-запад, тогда как остальные его силы, включая раненых, которые были способны держаться в седле, отправились на запад. Кони воинов Бастарда устали, но продолжали ровным шагом мерить дорогу, которую наемники разведали уже давно, когда готовились к нападению на Вийон.

Томас на скаку прочел послание от графа Нортгемптонского. Прочел раз, затем второй, но на лице его ничего не отражалось. Воины наблюдали за ним, подозревая, что письмо предвещает перемены в их судьбе, но Томас только сложил пергамент и сунул в висящий на поясе кошель.

– Нас призывают? – поинтересовался наконец Сэм.

– Нет, – ответил Бастард. – Да и с какой стати ему нас призывать? Какая графу от вас польза?

– Да никакой! – весело согласился лучник.

Его радовало, что граф не приказывает Томасу отправиться в Англию или в Гасконь. Нортгемптон – сеньор Томаса, его господин, но граф почитал за благо, чтобы вассал и его люди подвизались в качестве наемников. Ему перепадала часть доходов, а доходы эти достигали немалой величины.

– Он пишет, чтобы летом мы были готовы присоединиться к войску принца, – сообщил Бастард.

– Принцу Эдуарду мы не понадобятся, – возразил Сэм.

– Может, и понадобятся, если король Франции затеет свою игру, – пробормотал Томас.

¹⁰ Сюрко – просторный плащ без рукавов.

Он знал о набегах принца Уэльского на юг Франции, которые король Иоанн не в силах был предотвратить. Но француз наверняка выступит, если принц затеет новое шевоше¹¹. А соблазн для Эдуарда велик, потому как Франция слаба. Король шотландский, союзник Франции, томился в лондонском Тауэре, англичане укрепились в Нормандии, Бретани и Аквитании. Франция похожа на крупного оленя, терзаемого охотничьими собаками.

– И это все, о чем говорится в письме? – уточнил Сэм.

– Нет, – ответил Бастард. – Но остальное не твоего ума дело, Сэм.

Томас прищиприл коня и махнул Женевьеве, маня за собой. Они отъехали к деревьям, где могли уединиться. Их сын Хью, скакавший на невысоком мерине, последовал за матерью, и Бастард кивнул, показывая, что мальчику можно приблизиться.

– Помнишь черного монаха, который приходил в Кастийон? – спросил Томас у Женевьевы.

– Того самого, какого ты вышвырнул из города?

– Он проповедовал чепуху, – буркнул Томас.

– И как называлась эта чепуха?

– Малис, – ответил Бастард. – Волшебный меч, второй Экскалибур.

Он сплюнул.

– И с какой стати ты сейчас про него вспомнил?

Томас вздохнул.

– Потому что Билли прослышал про эту дурацкую штуковину. – Под «Билли» подразумевался сеньор Томаса – Уильям Богун, граф Нортгемптонский. – Похоже, в Карлайле объявился свой черный монах, который разглагольствует про ту же самую ерунду, – объяснил Томас, вручая Женевьеве письмо. – Про сокровище семи владык.

– И графу известно... – нерешительно начала Женевьева, но осеклась.

– Что я один из них.

Некоторые назвали их семью темными владыками ада. Все они умерли, но их наследники остались. И Томас был одним из них.

– Поэтому Билли хочет, чтобы мы нашли сокровище. – Последние три слова командир наемников произнес с издевкой. – А когда найдем, должны передать его принцу Уэльскому.

Женевьева нахмурилась, глядя на письмо. Написано оно, разумеется, было на французском, языке английской аристократии.

– «Семь темных владык хранили его – и были прокляты, – вслух прочла она. – Тот, кому суждено править нами, обретет его и будет благословен».

– Та же самая чепуха, – буркнул Томас. – Черные монахи, похоже, сошли с ума. Они распространили эту историю повсюду.

– И где ты намерен искать?

Томасу хотелось сказать, что нигде, что этот бред не стоит и минуты их времени, однако у аббата Планшара, лучшего человека из всех, кого он знал, христианина, который был истинным последователем Христа, а также потомком одного из темных владык, имелся старший брат.

– В Арманьяке есть место, которое называется Мутуме, – сообщил Бастард. – Больше ничего на ум не приходит.

– «Не подведи нас в этом деле», – зачитала Женевьева последнюю строку послания.

– Билли подхватил эту заразу! – с усмешкой воскликнул Томас.

– Однако мы отправляемся в Арманьяк?

– Как только покончим с делами здесь.

¹¹ *Шевоше* – набег, рейд по вражеской территории с целью захвата добычи и разорения владений противника.

Потому что прежде, чем будут начаты поиски сокровища, граф де Лабруйяд должен уяснить, что за жадность приходится платить.

И Бастард устроил засаду.

* * *

В Париже шел дождь. Беспредельный дождь, вымывший из сточных канав дерьмо и разнесший его смрад по узким улицам. Нищие жались под нависающими над мостовой домами, протягивая тощие руки к всадникам, въезжающим в городские ворота. Это были две сотни солдат, все крупные парни на сильных конях. Всадники кутались в шерстяные плащи, головы их укрывали от капель стальные шлемы. Скача под дождем, они озирались, явно пораженные зрелищем такого большого города, и парижане, прятавшиеся под выступающими верхними этажами, подметили, что выглядели конники странными и дикими, словно воины из дурного сна. Многие не брили бороды, и у всех лица были загрубевшими от непогоды и исполосованными боевыми шрамами. Настоящие бойцы – не свита какого-нибудь большого сеньора, растрачивающая время в сварах в окрестностях замка, но мужчины, не выпускающие из рук оружия ни в зной, ни в стужу, люди на закаленных в сражениях конях с порубленными щитами. Парни, которые зарежут за пуговицу. Среди кавалеристов ехал знаменосец, и на набухшем под дождем штандарте было изображено большое красное сердце.

За двумя сотнями воинов следовали обозные лошади, числом в три с лишним сотни, навьюченные тюками, копьями и доспехами. Оруженосцы и слуги, которые вели обоз, были облачены в одеяла – так показалось очевидцам. Однако то были не более чем накинутые на плечи потертые грубые лохмотья, прихваченные поясом. Штанов у слуг не было, только никто над ними не смеялся, потому как к вышеупомянутым поясам было пристегнуто оружие: либо немудреной работы длинный меч с простой рукояткой, либо зазубренная секира, либо живодерский тесак. Оружие деревенское, но выглядело так, будто постоянно находилось в употреблении. Среди слуг ехали женщины с распущенными волосами и в таком же варварском наряде, их голые ноги были красными и грязными. Ни одному из парижан даже в голову не пришло отпустить шутку, потому как вооружены эти оборванки были так же, как их мужчины, и вид имели столь же опасный.

Конные воины и их слуги остановились у реки в центре города и разделились на небольшие группы, каждая из которых принялась подыскивать себе ночлег, но одна группа из полудюжины мужчин, в сопровождении слуг, одетых несколько лучше прочих, перебралась по мосту на лежащий посреди Сены остров. Они петляли по узким улочкам, пока не добрались до позолоченных ворот, у которых стоял вооруженный копьем стражник в ливрее. За воротами располагались двор, конюшня, часовня и лестница, ведущая к королевскому дворцу. Воинов встретили с поклоном, приняли лошадей, а самих гостей проводили вверх по лестнице и по коридорам в их апартаменты.

Уильяму, вождю клана Дугласов и предводителю двух сотен воинов, предоставили палаты с видом на реку. Окна были затянуты пленками из роговых чешуек, но шотландец сорвал их, запустив сырой воздух улицы в комнату, где в украшенном французским королевским гербом очаге пылало жаркое пламя. Лорд Дуглас стоял у огня, а слуги тем временем застелили постель, принесли вина, еды и привели трех женщин.

– Какую вы выбираете, господин? – спросил дворецкий.

– Беру всех трех, – заявил Дуглас.

– Мудрый выбор, – с поклоном ответил слуга. – Угодно ли вашей милости что-нибудь еще?

– Мой племянник здесь?

– Да, господин.

– Пусть придет.

– Его пришлют к вам, – пообещал дворецкий. – Его величество примет вас за ужином.

– Передайте ему, что я безмерно счастлив в ожидании встречи, – безразлично бросил Дуглас.

Уильяму исполнилось двадцать восемь, но выглядел он на сорок. У него была подстриженная каштановая борода, лицо с дюжиной полученных в схватках шрамов и голубые, как зимнее небо, глаза. По-французски он говорил свободно, потому как большую часть детства прожил во Франции, обучаясь искусству здешних рыцарей и совершенствуясь в обращении с копьем и мечом, но вот уже десять лет, как вернулся домой в Шотландию, где стал вождем клана Дугласов и лордом, заседающим в шотландском совете. Уильям возражал против перемирия с Англией, но большинство взяло верх, и поэтому вождь Дугласов увел самых преданных своих воинов во Францию. Если им нельзя драться с англичанами на родине, можно натравить их на извечного врага здесь, во Франции.

– Снимайте одежду! – велел он девушкам.

На миг, что длился удар сердца, они смешались, но выражение на лице Дугласа заставило их повиноваться. Мужчина красивый, высокий и мускулистый, но с лицом воина – суровым, как клинок, и не знающим жалости. Ночь обещала быть долгой. Троица закончила раздеваться, как раз когда пришел племянник Дугласа. Он был не сильно моложе дяди, с широким улыбающимся лицом. На нем красовались бархатный камзол, расшитый золотом, небесно-голубые штаны в обтяжку, заправленные в сапоги из мягкой кожи с золотой шнуровкой.

– Во что это ты вырядился, черт побери? – спросил Дуглас.

Молодой человек дернул себя за расшитый край камзола.

– Так в Париже все одеваются.

– Господь милосердный! Робби, у тебя вид как у эдинбургской шлюхи. Что скажешь про этих трех?

Сэр Роберт Дуглас повернулся и внимательно осмотрел девиц.

– Мне вот эта нравится, средняя, – выбрал он.

– Иисусе, да она такая тощая, что ее можно вместо иголки употреблять. Мне нравятся женщины с мясом на костях. Так что решил король?

– Ждать развития событий.

– Иисусе, – повторил старший Дуглас. Затем подошел к окну и посмотрел на реку, рябую от дождя. От медленно струящейся воды поднимался смрад зловонных стоков. – Он хоть понимает, что грядет?

– Я ему говорил.

Робби послали в Париж вести переговоры с королем Иоанном, и ему удалось добиться, чтобы воинам дяди заплатили и вооружили их за счет французского государя. Теперь же эти воины прибыли, и лорду Дугласу не терпелось спустить их с цепи. Английские гарнизоны стояли во Фландрии, в Бретани и в Гаскони; принц Уэльский опустошал юг Франции, и Дуглас хотел заполучить шанс убить пару-другую ублюдков. Он ненавидел англичан.

– Ему известно, что этот мальчишка Эдуард, скорее всего, нанесет удар в следующем году? – поинтересовался лорд. Под мальчишкой подразумевался принц Уэльский.

– Я говорил.

– И король ничего не предпринимает?

– Ничего. – Робби кивнул. – Он любит пиры, музыку и развлечения. Воевать ему не по нраву.

– Тогда нам предстоит вселить немного настоящего мужского духа в этого рохлю, а?

В последние годы Шотландия знала только неудачи. В битве при Невилл-Кросс армия шотландцев была разбита, а король Давид оказался в плену у ненавистных англичан; затем пришла чума и выкосила население долин. Теперь, чтобы вызволить короля Давида из лон-

донского Тауэра, шотландцам предстояло уплатить выкуп столь огромный, что королевство обнищало бы на годы.

Но предводитель клана Дугласов знал, что короля можно вернуть иным путем, приличествующим воину, и это было главной причиной прибытия его людей во Францию. По весне принц Уэльский наверняка выведет из Гаскони очередную армию, и она займется тем, чем занимаются все английские армии: будет жечь, грабить, насиловать и разорять. Цель этого шеваше – заставить французов выдвинуть свое войско, и тогда за дело возьмутся ужасные английские лучники, и французы потерпят еще одно поражение. Знатные сеньоры станут пленниками, и Англия разбогатеет еще больше благодаря выкупам за них.

Но лорд Дуглас знал, как побить лучников, и это знание он принес в дар Франции. И если ему удастся убедить французского короля выступить против мальчишки Эдуарда, появится шанс одержать великую победу. И победа должна заключаться в захвате принца. Уильям назначит за него выкуп, и цена будет равнозначной выкупу за короля Шотландии. Это станет возможно, твердил он себе, если только король Франции вступит в бой.

– А ты, Робби, будешь драться?

Парень покраснел:

– Я дал клятву.

– К черту клятву!

– Я дал клятву, – не сдавался Робби.

Англичане захватили его в плен, но за него был уплачен выкуп в обмен на обещание больше не сражаться против британцев. Обещание было дано, а выкуп был заплачен другом юноши, Томасом из Хуктона. В течение восьми лет Робби держал слово, но теперь дядя подстрекал его нарушить клятву.

– Какие у тебя есть деньги, парень?

– Твои, дядя.

– И много осталось? – Дуглас медлил, заметив смущение племянника. – Выходит, опять проигрался?

– Да.

– В долгах?

Робби кивнул.

– Если хочешь получить еще, дерись. Скинь свой позорный камзол и облачись в кольчугу. Христа ради, Робби, ты ведь хороший боец! Ты нужен мне! Разве у тебя нет гордости?

– Я дал клятву, – упрямо повторил Робби.

– Так возьми ее назад. Или стань нищим. Мне плевать. А теперь забирай эту тощую бабенку и докажи, что ты мужик. Увидимся за ужином.

Там лорду Дугласу предстояло превратить в мужчину короля Франции.

* * *

Лучники рассыпались в линию в лесу. Стреноженных лошадей они оставили позади, под охраной двух воинов, но сами стрелки расположились на опушке. Когда передовые всадники разрозненной колонны графа де Лабруйяда оказались меньше чем в ста ярдах, в них полетели стрелы.

Эллекинам крупно повезло в двух отношениях. Во-первых, с командиром. Томас из Хуктона был хорошим солдатом, широко мыслящим и хладнокровным в сражении. Впрочем, в Южной Франции нашлось бы немало военачальников, способных потягаться в Бастардом в полководческом таланте. Но чего у них не было, так это второго преимущества эллекинов – английского боевого лука. Именно он обогатил Томаса и его парней.

Штука то была немудреная. Цевье из тиса, высотой немного больше человеческого роста, и предпочтительно срезанного в краях поближе к Средиземному морю. Мастер брал древко и придавал ему форму, оставляя с одной стороны твердую сердцевину, а с другой – гибкую заболонь. Потом красил его, чтобы уберечь от влаги, надевал наверху из кости на оба конца, между которыми натягивалась тетива, сплетенная из пеньковых волокон. Иные из лучников любили добавлять волосы своих женщин – предполагалось, что такая тетива прочнее, – но Томас за двенадцать лет на войне так и не заметил разницы. В месте наложения стрелы тетива обматывалась. Таков был боевой лук. Крестьянское оружие из тиса, рога и пеньки заряжалось стрелами из ясеня, граба или березы. Стрелы имели стальные наконечники и гусиное оперение. Перья для стрелы обязательно выдерживались из одного крыла, чтобы были скошены в одном направлении.

Боевой лук был дешев. И смертоносен. Брат Майкл не был слабаком, но ему не удавалось натянуть тетиву больше чем на ширину ладони, а вот стрелки Томаса оттягивали ее аж до уха, причем делали это шестнадцать-семнадцать раз за минуту. Мускулы у них были железными, буграми перекачивались по спине, широкой груди и сильным рукам. Лук без мускулов бесполезен. С арбалетом управится любой, стрела из хорошего арбалета летит дальше, чем пущенная из тисового лука, но это оружие стоит в сто раз дороже, и на его перезарядку уходит в пять раз больше времени. Пока арбалетчик будет работать воротом, натягивая тетиву, английский лучник сократит расстояние и выпустит полдюжины стрел. Мощная мускулатура имела у всех стрелков, и начинали тренироваться они детьми – как Хью, сын Томаса. У него был маленький лук, и отец требовал от него выпускать три сотни стрел за день. Мальчик должен стрелять, стрелять и стрелять, пока не перестанет задумываться о том, куда попадет стрела, а просто будет знать, что она полетит туда, куда ему нужно. С каждым днем мышцы его будут крепнуть, и лет через десять Хью встанет в линию и примется рассылать оперенную гусиным пером смерть из большого боевого лука.

Томас выставил на опушке три десятка лучников, и за первые полминуты те выпустили более полутора сотен стрел. Это был не бой, а бойня. Стрела способна пробить кольчугу с расстояния в двести шагов, но ни у кого из воинов де Лабруйяда не было доспехов или щитов, их погрузили на обозных лошадей. Некоторые надели кожаные куртки, но нагрудники сняли все, поэтому стрелы вонзались в плоть, ранив людей и коней. Колонна в мгновение ока смешалась. Арбалетчики графа шли пешком, изрядно поотстав от конников, к тому же их сдерживали тюки с добычей. Им требовалось минут пять, чтобы изготавиться к бою, а Томас не дал им этого времени. Когда стрелы посыпались на ржущих лошадей и падающих всадников, Бастард с двадцатью конниками ударил из леса во фланг графу.

Люди Томаса скакали на боевых конях, могучих животных, способных нести всадника, доспех и оружие. Солдаты не имели копий – оружия громоздкого, только замедляющего марш. Вместо этого они размахивали мечами, вращали секирами и палицами. У многих имелся щит с черной эмблемой Бастарда. Едва они вынырнули из-под деревьев, Томас развернул линию на врага и опустил клинок, давая сигнал к атаке.

Воины, держась колено к колену, устремились вперед. Из высокой травы выпирали валуны, и линия расступалась, обтекая их, потом смыкалась снова. Солдаты были облачены в кольчуги. Кое-кто дополнил их пластинчатым доспехом, нагрудником или эспальером для защиты плеч. Головы у всех венчали басинеты, простые круглые шлемы без забрала, оставлявшие большой обзор. Стрелы продолжали сыпаться. Часть людей графа пыталась сбежать. Они дергали поводья, разворачивая коней на север, но убитые лошади преграждали путь, а тут еще с краю шла в бой черная линия верховых эллекенов. Кое-кто из французов в отчаянии схватился за меч. Горстке удалось вырваться, и они гнали во весь опор к северной кромке леса, где рассчитывали найти арбалетчиков. Еще группка сплотилась вокруг хозяина, который получил стрелу в бедро, вопреки строжайшему приказу Томаса не убивать графа.

– Покойник долг не уплатит, – заявил Бастард. – Стреляйте в кого хотите, но чтобы Лабруйяд был цел.

Сейчас граф лихорадочно пытался развернуть жеребца, но вес у де Лабруйяда был огромный, а конь получил рану и заартачился. Затем эллекины перешли на короткий галоп и опустили мечи в позицию для боя, и дождь стрел прекратился.

Лучники остановились из опасения попасть в своих. Отбросив луки, они вытащили мечи и поспешили туда, где их верховые уже начали резню.

Звуки боя напоминали удары топора мясника, рассекающего тушу. Слышались крики. Некоторые бросали оружие и поднимали руки в молчаливой мольбе о пощаде. Томас, чувствовавший себя верхом не так уверенно, как с луком, нанес укол, легко парированный мечом. Англичанин проскочил мимо противника и нанес удар на обратном замахе, и лезвие безвредно скользнуло по коже куртки. Затем рубанул, целя в рыжие волосы француза. Тот вывалился из седла, и эллекин развернулся в намерении прикончить врага. Всадник в черной шляпе с белыми перьями устремился на Томаса, целя мечом в живот. Кольчуга сдержала клинок, и Бастард яростно рубанул, рассек противнику лицо в тот самый миг, когда Арнальд, один из его гасконцев, вонзил врагу меч в спину, перебив позвоночник. Конник графа издал высокий пронзительный звук и лихорадочно задергался, обливаясь кровью из раны на лице. Свой меч он уронил, а Арнальд пронзил его еще раз. Француз медленно повалился, и какой-то лучник подхватил поводья его лошади. Павший был последним из оказавших хоть какое-то сопротивление. Воины графа, застигнутые врасплох, вели неравный бой против облаченных в доспехи солдат, для которых война была жизнью, и схватка продлилась всего пару минут. Примерно дюжине людей Лабруйяда удалось сбежать, но остальные пали или сдались в плен, в том числе и сам граф.

– Лучники! – вскричал Томас. – К бою!

Задачей стрелков было наблюдать за северной опушкой леса на случай, если арбалетчики вмешаются, но Томас сильно сомневался, что они захотят сражаться, когда их господин пленен. С десятков лучников подбирали стрелы, вырезая их из мертвых и раненых лошадей или поднимая с земли и возвращая в колчаны. Сдавшихся согнали в одну кучу и отбирали у них оружие. Томас подвел коня к тому месту, где на траве лежал раненый граф.

– Мой господин, вы должны мне денег, – обратился он к нему.

– Тебе уплачено! – огрызнулся де Лабруйяд.

– Сэм! – Томас повернулся к лучнику. – Если его светлость будет перечить мне, разрешаю наspiговать его стрелами.

Говорил он на французском, который Сэм понимал. Лучник наложил стрелу на тетиву и широко улыбнулся графу.

– Господин, – снова обратился к пленнику Томас. – Вы задолжали мне.

– Ты мог бы подать прошение, – заметил Лабруйяд.

– Просить? Спорить? Тягаться? Терять время? С какой стати мне позволять твоим крючкотворам опутывать меня паутиной? – Томас покачал головой. – Где генуаны, которые ты забрал из Павилля?

Графа подмывало сказать, что монеты остались в замке Вийона, но лучник наполовину натянул тетиву, а лицо Бастарда оставалось непреклонным, поэтому вельможа против воли выдал правду:

– Они в Лабруйяде.

– Тогда пошлите одного из ваших воинов в Лабруйяд, – вежливо заявил Томас, – с приказом доставить монеты сюда. Когда это будет исполнено, милорд, мы вас отпустим.

– Отпустите? – Граф удивился.

– А какой мне от вас прок? – в свою очередь удивился Бастард. – На сбор выкупа за вас уйдут месяцы, и за это время вы сожрете больше, чем мы получим. Нет, я вас отпускаю.

И, отрядив одного из ваших людей за деньгами, милорд, не позволите ли вы моим парням вытащить у вас стрелу из бедра?

Из числа пленников отобрали одного из латников, дали ему лошадь и отправили на юг с письмом. Томас подозвал брата Майкла.

– Ты умеешь извлекать стрелу из раны?

– Нет, сэр. – Молодой монах забеспокоился.

– Тогда смотри, как это делает Сэм. Можешь поучиться.

– Я не хочу учиться, – выпалил Майкл, потом смутился.

– Не хочешь?

– Мне не по душе медицина, – признался монах. – Это аббат настоял.

– А чего же ты тогда хочешь? – спросил Томас.

Майкл растерялся.

– Служить Господу? – предположил он.

– Так послужи ему, учась, как извлекать стрелы, – отрезал Бастард.

– Молитесь, чтобы это оказался пробойник, – жизнерадостно посоветовал графу Сэм. – Больно будет в любом случае, но пробойник я в мгновение ока вытащу. Если это «мясная» стрела, придется вырезать. Готовы?

– Пробойник? – пролепетал граф. Сэм говорил по-английски, но половину Лабруйяд уловил.

Сэм извлек из колчана две стрелы. Острие одной было длинным и гладким.

– Вот это пробойник, милорд. Его задача – протыкать доспехи. – Лучник постучал первой стрелой по второй, у которой был треугольный наконечник с зубчинами. – Вот «мясная». – Потом он достал из-за пояса короткий нож. – Всего минута. Готовы?

– Меня будет пользоваться мой собственный лекарь! – взвизгнул граф.

– Как угодно, ваша милость, – сказал Томас. – Сэм, отрежь древко и перевяжи его.

Когда стрелу укорачивали, граф стонал. Томас проехал к повозке, на которой везли сеньора де Вийона. Нагой и окровавленный мужчина лежал, свернувшись калачиком. Томас слез с коня, привязал его к дышлу и окликнул Вийона. Тот не отзывался. Англичанин забрался в повозку, перевернул пленника и увидел, что он мертв. Свернувшейся крови на полу фургона набралось бы ведра на два. Томас поморщился, соскочил на землю, вытер сапоги о жухлую траву и пошел к клетке, из которой за ним наблюдали расширенные глаза графини Бертилла.

– Господин де Вийон мертв, – сообщил Томас.

– Почему ты не убил Лабруйяда? – спросила женщина, кивнув головой в сторону мужа.

– Я не убиваю людей, которые должны мне, – ответил Бастард. – Только тех, которые отказываются платить.

Он извлек меч и взломал им хлипкий замок двери клетки и подал графине руку, помогая сойти на траву.

– Ваш муж скоро будет освобожден. Как и вы, миледи.

– Я с ним не пойду! – с вызовом заявила она. Потом подошла к месту, где лежал граф. – Пусть со свиньями спит, – бросила Бертилла, указав на две туши на крыше клетки. – Все равно не заметит разницы.

Граф попытался встать, чтобы ударить жену, но Сэм бинтовал ему рану куском материи, оторванной с рубахи одного из убитых. Лучник потуже затянул повязку, и граф с воплем снова повалился наземь.

– Простите, милорд, – сказал Сэм. – Просто полежите спокойно, сэр, через миг все будет готово.

Графиня плюнула на мужа и пошла прочь.

– Приведите сюда эту суку! – возопил де Лабруйяд.

Бертилла продолжала идти, прижимая к груди разодранное платье. Женестьева положила ей руку на плечо, сказала что-то, потом подошла к Томасу.

– Как ты намерен с ней поступить? – осведомилась она.

– Это не моя собственность, чтобы ею распоряжаться, – ответил тот. – Но с нами ей ехать нельзя.

– Почему? – спросила Женестьева.

– Когда мы покончим с делами тут, то отправимся в Мутуме. Возможно, нам с боем придется прокладывать путь. Мы не можем тащить с собой бесполезные рты, которые вдобавок станут нас сдерживать.

Женестьева едва заметно улыбнулась, потом поглядела на арбалетчиков на опушке северного леса. Ни у кого из них не было оружия, все просто наблюдали за унижением своего хозяина.

– Томас, душа твоя зачерствела, – мягко укорила его она.

– Я воин.

– Ты был воином, когда встретил меня, – возразила Женестьева. – А я была узницей, осужденной за ересь, отлученной от Церкви и обреченной на смерть. Но ты вызволил меня. Чем иным я была, как не бесполезным ртом?

– Она обуза, – буркнул Бастард.

– А я ею не была?

– Но что нам с ней делать? – спросил он.

– Увезти прочь.

– От чего?

– От этого борова-мужа, – ответила Женестьева. – Или от будущего в монастыре. От издевок иссушенных монахинь, которые возненавидят ее красоту. Ей следует поступить так, как поступила я, – искать свою судьбу.

– Ее судьба – сеять раздор среди мужчин, – заявил Томас.

– Отлично, – сказала Женестьева. – Потому как мужчины причиняют женщинам много зла. Я буду оберегать ее.

– Боже правый! – Томас уныло вздохнул, потом посмотрел на Бертиллу.

Редкая красавица. Его парни смотрели на нее с неприкрытым вожделением, и он не брался осуждать их. Мужчины готовы платить жизнью за обладание такой, как Бертилла.

Брат Майкл взял плащ, притороченный к седлу лошади графа, развернул его, принес графине и предложил накинуть поверх разодранного платья. Женщина сказала ему что-то, и молодой монах покраснел, как предзакатное облако.

– Похоже, у нее уже нашелся защитник, – промолвил Бастард.

– Я справлюсь лучше, – возразила Женестьева.

Она подошла к коню графа и вытащила подвешенный к луке седла перемазанный кровью нож для кастрации. Потом направилась к Лабруйяду, который при виде лезвия вздрогнул. Он с ненавистью смотрел на облаченную в серебристую кольчугу женщину, в свою очередь с презрением взирающую на него.

– Твоя жена поедет с нами, – объявила Женестьева. – И если ты хотя бы попытаешься вернуть ее, я тебя оскблю. Сделаю я это медленно, и ты будешь визжать как свинья, которой ты и являешься.

Она плюнула на графа и ушла.

«Еще один враг», – подумал Томас.

Генуаны прибыли, когда сумерки уже переходили в ночь. Монеты были навьючены на двух лошадей. Пересчитав их и убедившись, что все на месте, Томас подошел к графу.

– Я забираю все деньги, милорд, – и плохие, и хорошие. Ты платишь мне дважды – во второй раз за хлопоты, причиненные сегодня.

– Я тебя убью, – пообещал граф.

– Были рады послужить вам, милорд, – сказал Томас.

Он поднялся в седло, затем повел своих людей и всех захваченных лошадей на запад. Первые звезды проступили на темнеющем небе. Резко похолодало, потому что задул северный ветер и принес прощальный привет зимы.

«А наступающая весна принесет новую войну», – подумал Томас. Но сначала ему предстояло идти в Арманьяк.

Поэтому эллекин скакал на север.

Глава 3

Брат Фердинанд мог бы легко украсть лошадь. Войско принца Уэльского оставило коней за стенами Каркассона, а немногие воины, отряженные сторожить табун, устали и маялись от безделья. Боевые скакуны, здоровенные животные, на которых ездили латники, охранялись лучше, а вот лошадей лучников просто стреножили, и монах-доминиканец мог добыть хоть дюжину. Однако одинокий всадник слишком приметен и привлекателен для разбойников, а Фердинанд не хотел рисковать Малис, поэтому предпочел идти пешком.

На дорогу до дома у него ушло десять дней. Какое-то время он провел в компании купцов, нанявших дюжину ратников для охраны товаров, но четыре дня спустя те свернули на юг, к Монпелье, а брат Фердинанд продолжил путь на север. Один из торговцев поинтересовался, зачем монаху Малис. Старик только пожал плечами.

– Просто старый клинок, – сказал он. – Может, получится косу из него сделать?

– Да им, похоже, даже масло не разрежешь, – бросил купец. – Лучше будет его переплавить.

– Возможно, так я и поступлю.

По мере путешествия ему доводилось слышать новости, хотя такие дорожные сплетни редко бывают правдивыми. Говорили, что бесчинствующая английская армия сожгла Нарбон и Вильфранш, иные утверждали, что пала и сама Тулуза. Торговцы ворчали. Своими набегами англичане хотели подорвать могущество страны, лишить сеньоров податей, спалить их мельницы, уничтожить виноградники, опустошить целые города. Единственный способ остановить столь разрушительную силу – другая армия, однако французский король продолжал отсиживаться далеко на севере. Принц Уэльский тем временем разорял юг.

– Королю Иоанну лучше прийти и убить этого английского выскочку, – твердил один из купцов. – Иначе вскоре ему нечем будет править.

Брат Фердинанд помалкивал. Он был худой, суровый и загадочный, спутники побаивались его, но радовались уже тому, что монах не читает проповедей. Доминиканцы – орден братьев-проповедников, им предписывалось странствовать по свету в нищете и поощрять других следовать своему примеру. Поворачивая на юг, торговцы вручили монаху деньги, и брат Фердинанд подозревал, что это благодарность за его молчание. Он принял дар, благословил подателей и зашагал на север в одиночестве.

Фердинанд держался лесистой местности, избегая незнакомцев. Он знал, что тут хватает разбойников, называемых в здешних краях коредорами, и наемников-рутьеров, которые не посовестятся обобрать монаха. Мир обратился ко злу, думал брат и молил Бога о помощи. И молитвы не остались без ответа, потому как ему не встретился ни один грабитель и ни один враг. Поздно вечером во вторник странник добрался до Агу – деревни, лежащей к югу от гор, где стояла башня. Он зашел в таверну и там услышал новость.

Сеньор Мутуме умер. Его навестил священник в компании вооруженных людей, и когда священник уехал, сир де Мутуме был мертв. Его уже похоронили, а солдаты оставались в башне до тех пор, пока не пришли англичане. Произошла схватка, англичане убили троих людей священника, остальные сбежали.

– Англичане все еще тут?

– Тоже ушли.

На следующий день брат Фердинанд отправился в башню, где разыскал экономку мессира Мутуме – сварливую бабу, которая упала на колени, чтобы монах ее благословил, но не прекратила трещать, даже когда он давал благословение. Она рассказала про приезд попа.

– Он был груб! – наябедничала старуха.

Потом священник уехал, а оставленные им люди обыскали башню и деревню.

– Сущие скоты! – стенала она. – Французы, а какие скоты! Затем появились англичане. Англичане, по ее словам, носили эмблему со странным зверем, сжимающим кубок.

– Эллекин, – пробормотал брат Фердинанд.

– Эллекин?

– Прозвище, которым они гордятся. За такую гордость людей ждет пекло.

– Аминь.

– Но эллекины не убивали сира Мутуме? – уточнил монах.

– Его похоронили как раз к их прибытию. – Служанка осенила себя крестом. – Нет, его французы убили. Которые из Авиньона пришли.

– Из Авиньона?

– Священник приехал оттуда. Его звали отец Каладрий. – Она снова перекрестилась. – Глаза у него были зеленые, и мне он не понравился. Господина ослепили! Священник выдавил ему глаза!

– Боже милосердный! – негромко воскликнул брат Фердинанд. – Откуда тебе известно, что они приехали из Авиньона?

– Сами сказали! Люди, которые остались здесь, сообщили нам. Если мы не отдадим то, что им нужно, заявили они, его святейшество папа лично проклянет нас всех. – Она замолкла на время, достаточное, чтобы перекреститься. – Англичане тоже спрашивали. Мне их начальник не понравился. Одна рука у него как лапа дьявола, вроде клешни. Он был вежлив, – неохотно признала экономка, – но строг. По его руке я догадалась, что это злодей!

Брат Фердинанд знал, как суеверна старуха. Женщина она добрая, но видела знамения в облаках, цветах, собаках, дыме и всем прочем.

– Обо мне они спрашивали? – осведомился он.

– Нет.

– Хорошо.

В Мутуме доминиканец обрел убежище. Он старел и устал блуждать по дорогам Франции, полагаясь на милость чужих людей в части ночлега и куска хлеба. Годом ранее Фердинанд забрел в башню, и дряхлый граф пригласил его остаться. Они разговаривали, сидели за столом, играли в шахматы. Хозяин поведал ему древние истории про темных владык.

– Англичане вернутся, так мне кажется, – сказал монах наконец. – Да и французы тоже могут.

– Почему?

– Они кое-что ищут.

– Да уж все обыскали! Даже свежие могилы разрыли, но ничего не обнаружили. Англичане ушли в Авиньон.

– Тебе это точно известно?

– Так они говорили. Что пойдут за отцом Каладрием в Авиньон. – Служанка еще раз перекрестилась. – И что тут потребовалось священнику из Авиньона? Зачем англичанам приходить в Мутуме?

– Вот из-за чего. – Брат Фердинанд показал ей старый клинок.

– Если им это нужно, так пусть забирают! – с презрением воскликнула женщина.

Граф Мутуме, опасаясь, что рышущие англичане разграбят гробницы в Каркассоне, упросил доминиканца спасти Малис. Брат Фердинанд подозревал, что старик на самом деле хотел своими руками прикоснуться к клинку, увидеть диковину, которую берегли его предки, реликвию такую могущественную, что обладание ею могло отправить душу прямоком на небеса. Такими отчаянными были мольбы графа, что монах согласился. Малис он спас, но его собратья-доминиканцы учили, что этот меч является ключом от рая и люди по всему христианскому миру желают завладеть им. С какой стати они проповедуют это? Фердинанд подозревал, что тут его вина. Наслушавшись рассказов Мутуме про Малис, монах, как послушный

член ордена, направился в Авиньон и передал легенду великому магистру. Великий магистр, человек добрый, улыбнулся и сказал, что каждый год рождаются тысячи подобных историй, но ни одна не содержит правды.

– Помнишь, что случилось десять лет назад, когда пожаловала чума? – спросил он. – Как все христиане верили, что открылся Грааль. А перед этим что было? Да, копьё святого Георгия! И это тоже оказался вздор. Но спасибо, брат, что сообщил мне.

Благословив Фердинанда, великий магистр отослал его назад. Но вдруг магистр поведал о реликвии кому-то еще? И вот теперь благодаря черным братьям слух растекся по всей Европе.

– Тот, кому суждено править нами, обретет его и будет благословен, – проворчал монах.

– И что из этого следует? – спросила старуха.

– То, что иные люди сходят с ума в поисках Бога, – пояснил брат Фердинанд. – Это означает, что каждый жаждущий власти ищет знака свыше.

Старая экономка нахмурилась, не в силах понять, но она всегда подозревала, что у брата Фердинанда не все дома.

– Мир сошел с ума, – произнесла женщина, ухватившись за слово. – Говорят, что английские дьяволы половину Франции сожгли! Где же король?

– Если придут англичане или кто-то еще, скажи им, что я ушел на юг.

– Ты уходишь?

– Для меня тут небезопасно. Быть может, когда все это безумие пройдет, я вернусь, но пока мне лучше удалиться в высокие испанские горы. Там я спрячусь.

– В Испании? Да там же бесы живут!

– Я ведь в горы пойду, поближе к ангелам, – успокоил ее брат Фердинанд.

На следующее утро он направился на юг, но едва отошел достаточно, чтобы из деревни его никто не видел, свернул на север. Ему предстояло долгое путешествие, чтобы уберечь сокровище.

Он вернет Малис законному владельцу. И поэтому пойдет в Пуату.

* * *

Коротышка со смуглым хмурым лицом и копной перепачканных краской черных волос примостился на высоких лесах и кистью втирал коричневый пигмент в сводчатый потолок. Он буркнул что-то на незнакомом Томасу языке.

– По-французски говорить умеешь? – спросил Томас.

– Мы тут все говорим по-французски, – ответил художник, переходя на означенный язык, которым владел, но с заметным акцентом. – Разумеется, мы чертовски хорошо говорим по-французски. Ты пришел дать мне совет?

– Насчет чего?

– Фрески, конечно, дубина ты этакая. Тебе не нравится цвет облаков? Бедр у Святой Девы слишком полные? Головы у ангелов чересчур маленькие? – Художник указал кистью на другую часть потолка, где ангелы дули в трубы в честь Девы Марии. – «Слишком маленькие головы» – так кое-кто говорит, – продолжил коротышка. – Но откуда они смотрели – с одной из моих лестниц! А с пола они выглядят идеальными. Разумеется, они идеальны, ведь это я их написал. И пальцы Девы Марии тоже. – Он яростно ткнул кистью в потолок. – А эти Богом проклятые доминиканцы заявляют мне, что это ересь. Ересь! Открывать пальцы на ногах у Святой Девы! Иисус сладчайший, в Сиене я изобразил ее с голыми сиськами, и никто не угрожал сжечь меня на костре. – Художник замахал кистью, потом отстранился. – Мне жаль, моя дорогая, – произнес он, обращаясь к изображению Марии, которое писал на потолке. – Тебе запретили иметь сиськи, а теперь еще лишили пальцев на ногах. Но пальцы еще вернутся.

– Вернутся? – не понял Томас.

– Штукатурка сухая, – буркнул художник, как будто тут и понимать нечего. – Если писать фреску по сухому, краска станет шелушиться, как короста на шлuxe. Это займет годы, но еретические пальцы снова выступят. А доминиканцы этого не знают, потому что они чертовы дураки.

Художник переключился на родной итальянский и осыпал ругательствами своих помощников, которые гигантским пестиком мешали в бочке свежую штукатурку.

– Они тоже дураки, – сообщил он Томасу.

– Так ты пишешь по сырой штукатурке? – спросил англичанин.

– Ты сюда пришел получить урок по живописи? Тебе придется чертовски щедро мне заплатить. Ты кто такой?

– Меня зовут д’Эвек, – представился Томас, у которого не было желания обнародовать в Авиньоне свое настоящее имя.

Среди церковников у него врагов хватало, а Авиньон служил папской резиденцией и, значит, был полон попов и монахов. Он приехал сюда, потому что неприятная старуха из Мутуме уверила его, что загадочный отец Каладрий отбыл в Авиньон, однако у Томаса теперь зрело дурное предчувствие, будто он зря потратил время. Бастард осведомился у доброй дюжины священников, не знаком ли им отец Каладрий, но никто даже не слышал о нем. Впрочем, никто тут не знал и самого Томаса и того факта, что его предали анафеме. Он теперь был еретиком, находился вне пределов милости Церкви, человеком, которого полагается выследить и сжечь, однако не смог устоять перед соблазном посетить огромную крепость-дворец папы. В Риме, по причине церковной схизмы, тоже имелся папа, но реальная власть сосредоточилась в Авиньоне, и Томаса впечатлило богатство громадного здания.

– Судя по говору, ты нормандец, – предположил художник. – А может, англичанин?

– Нормандец, – ответил Томас.

– И что нормандец делает так далеко от дома?

– Хочу повидать святого отца.

– Это понятно, черт побери! Но здесь-то что тебе нужно? В Salle des Herses?

Саль дез Эрс, зал Решеток, представлял собой комнату, смежную с большой приемной палатой папского дворца, и некогда в ней размещался механизм, опускающий и поднимающий решетку дворцовых ворот. Впрочем, систему из лебедки и блоков давно разобрали, поэтому помещение явно готовилось стать очередной часовней. Томас замешкался с ответом, но решил сказать правду:

– Искал, где отлить.

– В том углу. – Художник указал рукой с кистью. – В ту дыру пониже изображения святого Иосифа. Оттуда выбираются крысы, поэтому будь любезен, утопи пару гадин. Так, значит, хочешь посетить его святейшество. Грехи замучили? Пропуск в рай нужен? Мальчик из хора?

– Просто благословение, – сказал Томас.

– Мало же тебе нужно. Проси больше, получишь меньше. А то и вовсе ничего. Этот святой отец взятка не берет. – Художник слез с помоста, поглядел на свою новую работу, скрикнул. Затем направился к столу, на котором громоздились баночки с драгоценными пигментами. – Хорошо, что ты не англичанин. Святой отец не жалуется англичан.

– Вот как? – отозвался Томас, застегивая штаны.

– Вот так, – отрезал художник. – Откуда я знаю? Да я все знаю. Я пишу, и меня не видят, потому что не замечают! Я, Джакомо, стою на лесах, а подо мной ведутся разговоры. Не здесь, конечно. – Он сплюнул, давая понять, что расписываемое им помещение не стоит усилий. – Но я замалевываю голые сиськи ангелов также и в Палате конклава, а там они и беседуют. Трещат, трещат без умолку. Словно птицы, сдвинут головы поближе и щебечут. Джакомо тем временем занят, замазывая обнаженную натуру наверху, и все про меня забывают.

– Так что его святейшество говорит про англичан?

– Хочешь, чтобы я поделился? Заплати.

– Хочешь, чтобы я плеснул краской на твой потолок?

Джакомо расхохотался.

– Я слышал, что святой отец желает французам победы над англичанами. Здесь сейчас три французских кардинала, и все напевают ему в уши. Только папе их увещевания без надобности. Он подталкивает Бургундию к войне в союзе с Францией. Он направил послания в Тулузу, Прованс, Дофине, даже в Гасконь, где говорит людям, что их долг – оказывать сопротивление англичанам. Его святейшество француз, не забывай об этом. Его мечта – видеть Францию снова сильной, достаточно богатой, чтобы платить Церкви сколько положено. Англичан здесь не любят. – Итальянец замолчал и искоса посмотрел на Томаса. – Поэтому хорошо, что ты не англичанин, правда?

– Хорошо, – согласился тот.

– Англичанина святой отец может и проклясть. – Джакомо хмыкнул. Он снова полез по лесам, продолжая говорить. – Шотландцы прислали людей воевать за Францию, и папа доволен! По его словам, шотландцы – верные сыны Церкви. А вот англичан... – последовала пауза, – мазок кисти, – он хочет наказать. Так, значит, ты проделал весь этот долгий путь ради благословения?

Томас подошел к краю палаты, где стену украшала почти выцветшая старая роспись.

– Ради благословения, – подтвердил он. – И чтобы разыскать одного человека.

– Да? И кого же?

– Отца Каладрия.

– Каладрия? – Джакомо покачал головой. – Мне известен отец Каллет, но не Каладрий.

– Ты из Италии? – спросил Томас.

– Милостью Божьей я прибыл из Корболы, это венецианский город, – сказал Джакомо. Потом проворно спустился с лесов, подошел к столу и тряпкой вытер руки. – Разумеется, я из Италии! Если тебе нужно что-то нарисовать, зови итальянца. Если желаешь что-то заляпать, замарать или запачкать, зови француза. Или пригласи вот этих двоих, – он кивнул на помощников. – Болваны, продолжайте месить штукатурку! Хотя вы и итальянцы, но мозги у вас как у французов. Шпинат промеж ушей!

Он схватил кожаную плетку, как будто собираясь отходить ею одного из помощников, но внезапно рухнул на одно колено. Те последовали его примеру. Когда Томас увидел, кто вошел в комнату, то тоже сдернул с головы шапку и преклонил колено.

Его святейшество пожаловал в палату в сопровождении четырех кардиналов и дюжины священников пониже рангом. Папа Иннокентий рассеянно улыбнулся живописцу и стал разглядывать последние из нарисованных фресок.

Томас приподнял голову, чтобы взглянуть на папу. Иннокентий Шестой, понтифик вот уже три года, был стариком с тонкими как пух волосами, худым лицом и трясущимися руками. На нем был красный плащ, отороченный белым мехом. Папа слегка горбился из-за больной спины, приволакивал при ходьбе левую ногу, но голос его сохранял силу.

– Ты хорошо потрудился, сын мой, – сказал он итальянцу. – Превосходнейшая работа! Ну, эти облака выглядят убедительнее настоящих!

– Все во славу Божию, – пробормотал Джакомо. – И ради твоего возвеличения, святой отец.

– И ради твоей собственной славы, сын мой, – добавил папа. Он небрежно благословил обоих помощников, затем повернулся к Томасу. – Ты тоже художник, сын мой?

– Я солдат, святой отец, – ответил Томас.

– Откуда?

– Из Нормандии, святой отец.

– Ого! – Папа явно обрадовался. – Как тебя зовут, сын мой.

– Гийом д’Эвек, святой отец.

Один из кардиналов, красная сутана которого туго облегла объемистое брюшко, сразу отвлекся от созерцания потолка, и показалось, будто он хочет что-то возразить. Потом кардинал закрыл рот, но продолжал пялиться на Томаса.

– Скажи-ка, сын мой, – Иннокентий не обратил внимания на поведение спутника, – принес ли ты присягу англичанам?

– Нет, святой отец.

– А как много нормандцев сделали это! Но не мне тебе говорить. Я плачу о Франции! Слишком много смертей, христианский мир нуждается в покое. Благословляю тебя, Гийом.

Он простер руку. Томас встал, подошел к старику, снова опустился на колено и поцеловал кольцо Рыболова¹², которое папа надел поверх вышитой перчатки.

– Да пребудет с тобой мое благословение, – произнес Иннокентий, возлагая ладонь на непокрытую голову англичанина. – И мои молитвы.

– И я буду молиться за тебя, святой отец, – сказал Томас, ловя себя на мысли, что вполне может быть первым из отлученных, кто удостоился благословения папы. – Буду молиться о даровании тебе долгой жизни, – добавил он формальное пожелание.

Ладонь на его голове вздрогнула.

– Я стар, сын мой, – промолвил папа. – Мои лекари твердят, что у меня впереди еще много лет! Но лекари лгут, не так ли? – Он хмыкнул. – Отец Маршан утверждает, что его каладрий предскажет, ждет ли меня долгая жизнь, но я предпочитаю верить своим лживым докторам.

У Томаса вдруг перехватило дыхание, а стук сердца гулко отдавался в ушах. В комнате внезапно сделалось холодно. Трепет папской ладони привел Томаса в чувство.

– Каладрий, святой отец? – переспросил он.

– Птица, предсказывающая будущее, – пояснил понтифик, убирая руку с головы Томаса. – Воистину, мы живем в эпоху чудес, когда птицы изрекают пророчества! Не так ли, отец Маршан?

Рослый священник поклонился папе:

– Ваше святейшество сами по себе чудо.

– Ах, бросьте! Чудеса – вот они, в этих изображениях! Они превосходны. Поздравляю тебя, сын мой, – проговорил папа, обращаясь к Джакомо.

Томас украдкой посмотрел на отца Маршана. То был худощавый, смуглолицый мужчина, глаза которого, казалось, сверкали. Зеленые глаза, пронзительные, пугающие. Они устремились вдруг прямо на Томаса. Тот потупил взгляд, устремив его на шлепанцы понтифика, на которых были вышиты ключи святого Петра.

Папа благословил Джакомо, после чего, довольный ходом работы, захромал прочь из комнаты. Свита последовала за ним, остались лишь толстый кардинал и зеленоглазый священник. Томас собрался встать, но кардинал положил тяжелую ладонь ему на затылок и придавил к полу.

– Назовись-ка еще раз, – приказал кардинал.

– Гийом д’Эвек, ваше преосвященство.

– Меня зовут кардинал Бессьер, – представился человек в красной сутане, не убирая руки с головы Томаса. – Кардинал Бессьер, кардинал-архиепископ Ливорно, папский легат при дворе короля Иоанна Французского, которого Господь благословил превыше всех земных монархов. – Он замолчал, явно ожидая от собеседника ответа на последние свои слова.

– Да хранит Бог его величество, – покорно произнес Томас.

– Я слышал, что Гийом д’Эвек умер, – с угрозой в голосе сказал кардинал.

– Мой двоюродный брат, ваше преосвященство.

¹² Кольцо Рыболова – перстень папы римского. На нем изображен святой Петр, закидывающий в воду невод.

– Как он умер?

– Чума, – уклончиво сообщил Томас.

Сир Гийом д'Эвек был врагом Томаса, потом стал его другом и наконец умер от чумы, но прежде успел посражаться бок о бок с Бастардом.

– Он воевал на стороне англичан, – заявил Бессьер.

– Про это я слышал, ваше преосвященство. И это позорное пятно на нашем семействе. Но я кузена едва знал.

Кардинал отнял руку, и Томас встал. Зеленоглазый поп смотрел на поблекшие росписи в конце стены.

– Это ты рисовал? – спросил он у Джакомо.

– Нет, отец, – ответил итальянец. – Это росписи очень древние и сделанные весьма плохо. Скорее всего, их намалевал какой-нибудь француз или, может статься, бургундец. Святой отец велел мне закрасить их.

– Так позаботься об этом.

Тон священника привлек внимание кардинала, который тоже уставился на старинные фрески. До этого он смотрел на Томаса и хмурился, сомневаясь в правдивости его слов, но вид росписей отвлек его. На выцветшей картине был изображен святой Петр, безошибочно узнаваемый благодаря зажатым в одной руке двум золотым ключам. Другой он протягивал меч коленопреклоненному монаху. Эти двое располагались на укутанном снегом поле, хотя тропинка к стоящему на коленях человеку была расчищена. Монах принимал меч, за ним наблюдал второй монах, настороженно выглядывающий из-за полуприкрытых ставен в окне засыпанного снегом домика. Кардинал долго рассматривал фреску и поначалу недоумевал, а затем вздрогнул от ярости.

– Кто этот монах? – строго спросил он у Джакомо.

– Я не знаю, ваше высокопреосвященство, – ответил итальянец.

Кардинал кинул вопросительный взгляд на зеленоглазого попа, который только пожал плечами. Бессьер помрачнел.

– Почему ты еще не замазал ее? – обратился он к художнику.

– Потому что его святейшество велел в первую очередь заняться потолком, а уже после – стенами, ваше высокопреосвященство.

– Так замажь сейчас! – рявкнул кардинал. – Замажь, прежде чем закончишь с потолком. – Потом ожег взглядом Томаса. – Ты зачем сюда пожаловал?

– За благословением святого отца, ваше высокопреосвященство.

Бессьер нахмурился. Названное Томасом имя явно пробудило в нем подозрения, но существование старых росписей смущало его, похоже, еще сильнее.

– Просто замажь! – приказал он Джакомо и снова повернулся к Томасу. – Где ты остановился?

– Близ церкви Святого Бенезе, ваше преосвященство, – солгал англичанин.

По правде, он оставил Женевьеву, Хью и два десятка своих людей в таверне у большого моста, далеко от храма Святого Бенезе, а соврал потому, что меньше всего хотел, чтобы Бессьер удовлетворил внезапно обнаружившийся интерес к Гийому д'Эвеку. Он убил брата кардинала, и если Бессьер выяснит, кто такой Томас на самом деле, то костра для еретиков на большой площади перед дворцом папы не миновать.

– Мне интересно, как обстоят дела в Нормандии, – проговорил церковник. – После молитв девятого часа я за тобой пошлю. Отец Маршан тебя проводит.

– С удовольствием, – подтвердил священник, и в голосе его прозвучала угроза.

– Почту за честь служить вашему высокопреосвященству, – ответил Томас, склоняя голову.

– Избавься от этих картин, – еще раз приказал Джакомо кардинал и покинул комнату в сопровождении своего зеленоглазого спутника.

Итальянец, все еще стоя на коленях, шумно перевел дух.

– Ты ему не понравился, – заявил он.

– А ему хоть кто-то нравится? – отозвался Томас.

Джакомо встал и наорал на своих помощников.

– Штукатурка загустеет, если ее не размешивать, – объяснил он эту вспышку гнева Томасу. – У них каша вместо мозгов! Они ведь миланцы, да? Значит, дураки. А вот кардинал Бессьер не дурак – враг из него получится опасный, друг мой.

Джакомо не знал этого, но кардинал уже был врагом Томаса, хотя, по счастью, никогда его не встречал и даже представить себе не мог, что англичанин появится в Авиньоне. Джакомо подошел к столу с пигментами.

– И кардинал Бессьер питает надежду стать следующим папой, – продолжил итальянец. – Иннокентий слаб, Бессьер – нет. Быть может, вскоре мы узрим нового святого отца.

– А чем ему так не понравилась эта картина? – поинтересовался Томас, указывая на дальнюю стену.

– Возможно, у него развит вкус? Или потому, что эта мазня выглядит так, будто ее рисовала собака, которой кисть засунули под хвост?

Томас стал всматриваться в древнюю роспись. Кардиналу хотелось выяснить, что за сюжет изображен тут, но ни Джакомо, ни зеленоглазый монах не могли ответить. И все же прежде всего ему хотелось уничтожить фреску, чтобы никто другой не мог найти ответ. А какая-то история в картине скрывалась. Святой Петр вручал меч монаху в снегу, и у этого монаха должно быть имя. Но какое?

– Ты и впрямь не знаешь, что тут изображено? – осведомился Томас у Джакомо.

– Какая-то легенда? – беззаботно предположил итальянец.

– Но какая?

– У святого Петра меч, – рассуждал Джакомо. – Допустим, он вручает его Церкви? Ему стоило отрубить этим мечом руку художника и тем самым избавить нас от необходимости смотреть на его жуткую мазню.

– Но обычно меч изображают в Гефсиманском саду, – напомнил Томас. Он не раз видел фрески храмов со сценой ареста Христа, когда Петр выхватил меч и отсек ухо одному из слуг первосвященника, а вот Петр посреди метели встречался ему впервые.

– Выходит, этот болван-художник не знал Священного Писания, – буркнул Джакомо.

Однако все на картинах имело смысл. Если нарисован человек с пилой, это святой Симон, потому что Симона замучили, распилив на куски. Виноградная гроздь напоминала народу о евхаристии. Царь Давид держал арфу, святой Фаддей – дубинку или плотницкую линейку, святой Георгий сражался с драконом, святой Дионисий неизменно изображался с собственной отрубленной головой в руках – смысл имело все, однако смысл этой древней фрески от Томаса ускользал.

– Разве вам, художникам, не полагается знать смысл всех этих символов?

– Каких символов?

– Ну, меч, ключи, снег, человек в окне!

– Меч – это меч святого Петра, ключи – ключи от рая! Может, тебя еще поучить, как молоко у мамы из титки сосать?

– А снег?

Джакомо сдвинул брови, явно сбитый с толку вопросом.

– Просто этот идиот не умел рисовать траву, – решил он наконец. – Вот и замазал все дешевой побелкой! Нет тут никакого смысла! Завтра мы счистим эту мазню и напишем что-нибудь стоящее!

Однако кем бы ни был создатель фрески, он позаботился расчистить от снега тропу, идущую вокруг коленопреклоненного человека, и довольно искусно нарисовал траву, вкрапив в нее голубые и желтые цветочки. Так что бесснежное пространство имело смысл, как и присутствие второго монаха, боязливо выглядывающего из окна.

– Уголек у тебя найдется? – спросил Томас.

– Конечно! – Джакомо указал на стол с пигментами.

Томас подошел к двери и заглянул в большой зал для аудиенций. Кардинал Бессьер и зеленоглазый священник ушли, поэтому англичанин взял кусочек угля и подошел к загадочной фреске. И написал что-то на ней.

– Ты что делаешь? – спросил Джакомо.

– Хочу, чтобы кардинал это увидел, – сказал Томас.

Крупными черными буквами по снегу он начертал: «Calix Meus Inebrians».

– Чаша моя преисполнена? – спросил озадаченный Джакомо.

– Это из псалмов Давида, – пояснил Томас.

– И что это означает?

– Кардинал поймет.

Итальянец нахмурился.

– Иисус сладчайший, – промолвил он. – Однако опасную игру ты затеял.

– Спасибо, что разрешил тут отлить, – сказал Бастард.

Художник был прав, это было опасно, но если Томасу не под силу выследить отца Каладрия в этом городе, полном врагов, он пригласит отца Каладрия самого выследить его. И Томас предполагал, что этот зеленоглазый священник и окажется тем самым отцом Каладрием.

А зеленоглазый священник заинтересовался древней, скверной работы фреской с изображением двух монахов и святого Петра. Однако центром картины был не коленопреклоненный монах и даже не святой Петр в богатом облачении, а меч.

И Томас, хотя и не мог быть уверен, пришел вдруг к убеждению, что у этого меча есть имя: Малис.

В тот же самый день, задолго до девятичасовых молитв и прежде, чем кто-либо успел его обнаружить и подвергнуть церковной пытке, Томас с отрядом покинул Авиньон.

* * *

Пришло тепло. То была погода для войны, и по всей Франции люди острили оружие, обучали лошадей и ждали королевского вызова. Англичане слали подкрепления в Бретань и Гасконь, и все сходились во мнении, что король Иоанн наверняка соберет большую армию, чтобы сокрушить островитян. Однако вместо этого французский монарх послал невеликое числом войско на окраину Наварры, к замку Бретей. Там, упершись в мрачные стены твердыни, воины принялись делать осадную башню.

Сооружение получилось колоссальным, выше церковного шпиля, эшафот о трех этажах, примостившийся на двух железных осях, соединяющих четыре массивных колеса из крепкого вяза. Переднюю и боковые стенки башни обшили дубовыми досками, чтобы не дать гарнизону замка простреливать платформы из арбалетов. И вот на холодной заре осаждающие обивали эту деревянную броню толстыми шкурами. Трудились они всего в четырех сотнях шагов от замка, и время от времени кто-то из защитников брался за арбалет, но дистанция была слишком велика, и болт неизменно падал с недолетом. На верхушке башни реяли четыре флага: два с французской лилией и два с изображением топора, символа святого покровителя Франции – Дионисия. Флаги вытягивались и трепетали на ветру. Ночью была буря, и с запада все еще дул сильный ветер.

– Один хороший ливень, и эта чертова штуковина станет бесполезна, – заметил лорд Дуглас. – Парни не сдвинут ее с места! Она увязнет в грязи.

– Бог на нашей стороне, – безмятежно сказал его младший товарищ.

– Бог? – Лорд Дуглас скривился.

– Приглядывается за нами, – заявил молодой человек.

Он был худ и строен, едва ли старше двадцати или двадцати одного года, с поразительно красивым лицом. Русые волосы были зачесаны с высокого лба назад, голубые глаза выражали спокойствие, в уголках губ таилась улыбка. Юноша был родом из Гаскони, где владел фьефом. Но англичане отобрали его, лишив гасконского дворянина доходов с земли. Эта потеря должна была оставить его без гроша, но Роланд де Веррек снискал славу величайшего из турнирных бойцов всей Франции. Некоторые отдавали этот титул Жослену из Бера, но в Осере Роланд трижды побил Жослена, а затем измотал не знающего жалости рыцаря Вальтера из Зигенталера благодаря искусному владению мечом. В Лиможе он был единственным, кто остался на ногах к исходу ожесточенной общей схватки, а в Париже женщины ахали от восторга, когда Роланд поверг двух закаленных рыцарей, в два раза старше его годами и во много раз превосходящих опытом. Роланд де Веррек снискал лавры победителя, потому как был несокрушимым.

И девственником.

На черном щите он носил изображение белой розы – розы без шипов, цветка Девы Марии, как горделивое свидетельство собственного целомудрия. Мужчины, которых он без конца побеждал в схватках, считали его чокнутым, поклонницы полагали, что на него навели порчу, но Роланд посвятил свою жизнь высоким идеалам, чистоте и добродетели. Он прославился благодаря своей девственности, но одновременно подвергнулся из-за нее насмешкам, однако никогда в глаза и на расстоянии, какое мог преодолеть его стремительный клинок. Еще его превозносили за непорочность, даже завидовали, потому как, по его словам, к такой чистой жизни он пришел по велению представшей ему Девы Марии. Богородица явилась, когда ему было всего четырнадцать, коснулась его и сказала, что он будет благословлен превыше всех смертных, если станет блюсти себя так, как блюла она.

– Ты женишься, – пообещала Богородица. – Но пока этот час не придет – ты мой.

Предсказание исполнилось.

Мужчины могли потешаться над Роландом, но женщины от него млели. Одна дама порывалась высказать де Верреку, как он прекрасен. Как-то раз она подошла и коснулась его щеки.

– Столько схваток – и ни одного шрама, – сказала женщина.

Он же отпрянул, словно ее палец обжег его, потом промолвил, что любая красота суть отражение милости Божьей.

– Думай я иначе, – пояснил рыцарь, – то подвергся бы искушению тщеславию.

Не исключено, что целиком уберечься от искушения ему не удалось – он был чересчур внимателен к одежде, а панцирь непременно начищал до блеска: его терли песком, уксусом и проволочным ершиком до тех пор, пока солнечные лучи не отражались в нем с ослепительной яркостью. Впрочем, в тот день небо над Бретеом было низким, пасмурным и хмурым.

– Дождь пойдет, – буркнул лорд Дуглас. – И от этой чертовой башни не будет никакого толку.

– Она принесет нам победу, – заявил Роланд де Веррек, и в голосе его звучала спокойная уверенность. – Епископ Шалонский благословил ее прошлым вечером. Она не подведет.

– Ей вообще тут не место, – упрямылся Дуглас.

Король Иоанн бросил шотландских рыцарей в этот поход на Бретею, но защищали замок не англичане, а другие французы.

– Мы сюда не французов убивать приехали, – проворчал Дуглас. – Я хочу убивать англичан.

– Это наваррцы, враги Франции, – пояснил Роланд де Веррек. – И королю угодно разбить их.

– Бретей – это жалкий прыщ! – горячился лорд Дуглас. – Бога ради, ну какая важность в этом городишке? Проклятые англичане не прячутся за его стенами!

Роланд улыбнулся.

– Кто бы ни находился внутри, милорд, я исполню веление моего короля, – негромко заявил он.

Король французский, забыв про англичан в Кале, Гаскони и Бретани, предпочел выступить против владений наваррцев на самом краю Нормандии. Причины вражды были смутны, а кампания являлась пустой растратой сил, ибо Наварра не угрожала Франции. Однако король решил сражаться. То явно была семейная свара, а их лорд Дуглас не понимал.

– Пусть бы гнили себе тут, пока мы воюем с англичанами, – сказал он. – Нам бы гонять мальчишку Эдуарда, а вместо этого пытаемся залить мочой искорку на краю Нормандии.

– Король хочет Бретей, – произнес Роланд.

– Зато не хочет встречаться лицом к лицу с англичанами, – отрезал лорд Дуглас – и знал, что прав.

С тех пор как шотландские рыцари прибыли во Францию, король все колебался. В один день Иоанн решал выступить на юг, в другой – на запад, а в третий – сидеть на месте. И вот наконец он двинулся против Наварры! А англичане высыпали из своих крепостей в Гаскони и снова опустошают страну. На южном побережье Англии собирается еще одна армия, которая, без сомнения, высадится в Нормандии или Бретани, а король Иоанн – под Бретеом! Лорд Дуглас готов был расплакаться от этой мысли. Ступай на юг, побуждал он французского короля. Ступай на юг и сокруши этого выскочку Эдуарда. Возьми ублюдка в плен, втопчи кишки его воинов в грязь, потом посади принца в темницу и предложи в качестве выкупа за шотландского короля. А вместо этого они осаждают Бретей.

Двое воинов стояли на верхнем этаже башни. Роланд де Веррек вызвался возглавить приступ. Дюжинам мужчин предстоит толкать осадную башню; часть из них падет под арбалетными болтами, но другие заменят их. В конечном счете башня врежется в замковую стену и люди Роланда перерубят веревки, удерживающие подъемный мост, который защищает переднюю сторону верхней площадки.

Мост упадет, образовав широкий переход на стену Бретея, и атакующие с боевым кличем устремятся по нему. Этим первым воинам, вполне возможно, предстоит умереть, но удерживать захваченные укрепления до тех пор, пока сотни солдат короля Иоанна не взберутся по лестницам башни. Воинам предстоит подниматься под грузом кольчуг, лат, щитов и оружия. Это потребует времени, и те, кто первым переберется через перекидной мост, заплатят за это время своими жизнями. Большая честь оказаться в числе этих первых – честь в обмен на риск для жизни. Роланд де Веррек преклонил колено перед королем Франции и умолял даровать ему эту привилегию.

– Почему? – спросил король у Роланда.

Тот пояснил, что любит Францию и намерен послужить своему королю, но никогда не бывал в бою, а сражался только на турнирах. Настало время обратить воинский талант на благородное дело. И он не кривил душой. Однако истинная причина желания Роланда де Веррека возглавить приступ крылась в стремлении к великому, к исполнению миссии, совершению подвига, достойного его чистоты. Король милостиво соизволил Роланду вести атаку, а затем даровал ту же честь второму человеку – племяннику лорда Дугласа, Робби.

– Ты ищешь смерти, – буркнул лорд Дуглас накануне вечером.

– Мне хочется пировать в большом зале этого замка следующей ночью, – возразил Робби.

– Чего ради? – спросил Дуглас. – По какой такой чертовой причине?

И теперь шотландец взобрался на башню лишь с одной целью – попросить Роланда, имеющего репутацию величайшего дурака и самого благородного рыцаря во всей Франции, убедить Робби исполнить свой истинный долг.

– Поговори с ним, – обратился лорд Дуглас к Роланду де Верреку. – Робби уважает тебя, восхищается тобой, берет с тебя пример. Вот и объясни ему, что его обязанность как христианина – драться с англичанами, а не умереть в этом ничтожном месте.

– Он дал клятву, – напомнил де Веррек. – Клятву не сражаться против англичан. Причем искренне и по собственной воле. Я не могу дать ему совет нарушить слово, милорд.

– К черту клятву! Поговори с ним!

– Человек не может преступить через клятву и спасти душу, – спокойно возразил Роланд. – А твой племянник заслужит большую славу, сражаясь здесь.

– Пропавши пропадом слава! – выкрикнул лорд Дуглас.

– Милорд, если я смогу убедить вашего племянника сражаться с англичанами, я сделаю это, – пообещал Роланд шотландцу. – Мне лестно полагать, что, по вашему мнению, он станет меня слушать. Однако я не могу посоветовать ему нарушить торжественную клятву: совесть христианина не позволяет. Это будет не по-рыцарски.

– И рыцарство тоже пропади пропадом, – заявил Дуглас. – И Бретей, и вся ваша чертова свора!

Дуглас затопал вниз по лестнице и ожег взглядом Робби, которому предстояло повести сорок восемь воинов в атаку через перекидной мост башни.

– Ты проклятый идиот! – сердито крикнул лорд племяннику.

Когда обивку шкурами закончили и смочили их водой, минул час, и тут с запада натянуло морозящий дождик. Латники полезли в башню. Самые храбрые взбирались по лестницам на верхнюю площадку, чтобы первыми пройти по перекидному мосту. Среди них был и Робби Дуглас. Он надел кожаный колет и кольчугу (но пластинчатые доспехи отверг, исключая поножи, защищающие голени) да накладку на правое предплечье. Левую руку прикрывал щит с красным сердцем – гербом Дугласов.

Меч у него был старый, но хороший, с простой деревянной рукоятью, в которую был вложен ноготь святого Андрея, покровителя Шотландии. Меч принадлежал другому его дяде, сэру Уильяму Дугласу, рыцарю Лиддесдейла, который был убит лордом Дугласом в семейной расправе. После этого Робби пришлось преклонить колено перед лордом Дугласом и принести ему клятву верности.

– Ты теперь мой, – сообщил шотландец, зная, как любил Робби сэра Уильяма. – И если не мой, то ничей; а если ничей, то изгой. А если ты изгой, я вправе убить тебя. Так чей ты?

– Твой, – покорно подтвердил Робби и преклонил колено.

Теперь, становясь рядом с Роландом де Верреком на верхней платформе башни, он размышлял, правильно ли поступил. Можно было снова воззвать к дружбе с Томасом из Хуктона, но он сделал свой выбор, присягнув на верность дяде, и вот теперь пойдет в атаку по перекидному мосту и, вполне возможно, сложит голову на стенах крепости, которая ничего не значит для него, для Шотландии, да и вообще ни для кого. Тогда ради чего идти в бой? Может, потому, что это дар его роду. Или потому, что этот поступок покажет французам, каковы шотландцы в деле. Это битва, в которой сразиться он может с чистой совестью, даже если его ждет смерть.

Когда французский король приказал арбалетчикам выдвигаться, минул час после рассвета. Их было восемьсот, в основном – генуэзцы, а частью – уроженцы Германии. Каждого сопровождал помощник, несущий большой щит – павезу, за которым стрелок мог укрыться, пока натягивал воротом тетиву.

Арбалетчики и щитоносцы образовали фаланги по обе стороны от башни и в ее основание продели длинные шесты, налегая на которые эту исполинскую конструкцию будут толкать вперед.

Позади башни построились в две линии латники – им предстояло последовать по лестницам за первой волной атакующих, чтобы хлынуть на стены Бретея. Пока же они собрались под знаменами своих командиров. Ветер был достаточно силен, чтобы развеять пестрые флаги: горделивые изображения львов и крестов, оленей и звезд, полос и грифонов. Бароны Франции готовились идти на приступ.

Перед строем расхаживали священники. Они раздавали благословения и уверяли воинов, что Бог помогает Франции, что наваррский сброд обречен гнить в аду, а Иисус пойдет вместе с ними на приступ.

Тогда же взметнулся еще один флаг, голубой штандарт с золотыми лилиями, и сержанты разразились криками, приветствуя короля, проскакавшего между рядами.

На государе были отполированные до блеска доспехи, а наброшенный на плечи плащ из красного бархата раздувался по ветру. На голове сверкал шлем, увенчанный золотой короной с бриллиантами. Белый боевой конь высоко вскидывал копыта, мча Иоанна Французского мимо шеренг его солдат. Король не смотрел ни направо, ни налево, а доехав до длинных шестов, ожидающих крестьян, которым предстояло толкать башню, развернулся, подняв скакуна на дыбы. Людям показалось, что государь собирается что-то сказать. Они замерли в молчании. Но он только воздел руку как при благословении, и снова послышались приветственные возгласы. Кое-кто из воинов опустился на колени, другие благоговейно вглядывались в длинное бледное лицо государя, обрамленное отполированным шлемом. Иоанн Добрый – так его прозвали не из-за душевной мягкости, но потому, что он любил мирские радости, являющиеся прерогативой короля. Он не был великим воином и снискал репутацию человека нерешительного, но в этот миг рыцарство Франции готово было умереть за него.

– Не много проку гарцевать на чертовой лошади, – буркнул лорд Дуглас. Он с полудюжиной своих шотландцев ждал у подножия башни. На нем был простой кожаный доспех, ведь участвовать в атаке лорд не собирался и привел свой отряд убивать англичан, а не драться с кучкой наваррцев. – На чертовой лошади на каменную стену не въедешь.

Его воины загудели, поддерживая вождя, потом замерли, когда король в сопровождении свиты подскакал к ним.

– На колени, ублюдки! – скомандовал Дуглас.

Король осадил коня рядом с лордом.

– Твой племянник сражается сегодня? – спросил Иоанн.

– Сражается, ваше величество, – подтвердил шотландец.

– Мы благодарны ему.

– Вы выказали бы благодарность более явно, кабы повели нас на юг, сир, – заявил Дуглас. – На юг, бить этого щенка Эдуарда Уэльского.

Государь заморгал. Дуглас, единственный из шотландцев, не опустившийся на колени, прилюдно выговаривал монарху, но король улыбнулся, давая понять, что не обижен.

– Мы выступим на юг, как только покончим с делами тут, – заверил он. Голос у него был высокий и звучал раздраженно.

– Рад слышать это, сир, – сердито бросил Дуглас.

– Если ничто не помешает, – уточнил Иоанн первоначальное утверждение. Взмахнув рукой в небрежном благословляющем жесте, он ускакал прочь. Дождь усиливался.

– Если ничто не помешает, – прорычал шотландец. – Англичане разоряют его земли, а у него могут возникнуть еще какие-то дела?

Дуглас сплюнул, затем повернулся, когда крики латников известили о том, что башня двинулась наконец к высоким стенам. Запели трубы. Огромное полотнище со святым Дионисием затрепетало на вершине башни. Штандарт изображал мученика, держащего в руках собственную отрубленную голову.

Громадная осадная башня подвигалась вперед рывками, и Робби пришлось ухватиться за одну из опор, удерживающих на месте перекидной мост. Длинные шесты торчали с обеих сторон, и десятки парней наваливались на них, подгоняемые надсмотрщиками с бичами и барабаниками, отбивавшими твердый ритм на нэйкерсах¹³ – здоровенных бочонках из козьих шкур, гудевших, как пушки.

– Пушки нам быгодились, – проворчал лорд Дуглас.

– Слишком дорого. – Рядом с шотландцем встал Жоффруа де Шарни, один из главных военачальников Иоанна. – Пушки стоят денег, друг мой, и порох стоит денег. А денег у Франции нет.

– Франция богаче Шотландии.

– Подати не собираются, – уныло заметил Жоффруа. – Кто заплатит этим людям? – Он кивнул в сторону ожидающих солдат.

– Пошли их собирать подати.

– Они у них и останутся. – Француз осенил себя крестом. – Боже, сделай так, чтобы внутри Бретея оказался горшок с золотом.

– Внутри Бретея нет ничего, кроме кучки чертовых наваррцев. Нам следует идти на юг!

– Не спору.

– Тогда почему мы не идем?

– Потому что король не дал приказа. – Жоффруа не отводил глаз от башни. – Но даст, – негромко прибавил он.

– Даст ли?

– Думаю, да, – сказал де Шарни. – Папа подталкивает его к войне, и государь понимает, что не может позволить проклятым англичанам снова разорить половину Франции. Так что да, даст.

Дугласу хотелось услышать более четкие заверения, но он ничего не сказал и вместе с французом наблюдал за тем, как башня кивает и кренится на кочках. Арбалетчики шли, равняясь по башне. Но после полусотни ярдов из замка полетели первые болты, и тогда арбалетчики выбежали вперед и принялись стрелять в ответ. Задача перед ними стояла простая: заставлять защитников укрываться за зубцами стены, пока исполинское сооружение ползет дальше. Болты свистели, цокая по камню и пробивая полошущее над зубцами огромное знамя. Выпущенные арбалетчиками болты устремлялись к цели. Затем стрелки нырнули за павезы и принялись вращать ворот, натягивая тетивы. Осажденные открыли ответный огонь. Их болты взрезали дерн или били в щиты, а вскоре замолотили и по самой башне.

Робби слышал их. Видел, как вздрагивает от ударов перекидной мост. Но мост, который в поднятом положении играл роль стены, защищающей переднюю часть платформы, был сколочен из толстых дубовых досок и обтянут кожами, и ни один из наваррских болтов не мог пробить эту защиту. Они только вонзались в цель, создавая постоянный шум, а башня под ногами раскачивалась и поскрипывала, подталкиваемая вперед. Оставалась возможность осторожно выглядывать из-за правого края моста, и Робби видел замок в двух сотнях шагов. Со стены свисали большие знамена, многие были изрешечены арбалетными болтами. Стрелы защитников осыпали башню, и обращенная к ним сторона напоминала подушечку для оперенных иголок. Стучали барабаны, ревели трубы; осадная конструкция продвинулась еще на несколько ярдов, кренясь на кочках, и болты со стен стали поражать толкающих башню крестьян. На смену убитым и раненым поставили новых работников. Воины орали на них, подгоняя бичами. Бедолаги налегли на шесты, и громадина двинулась снова, на этот раз быстрее. Настолько быстро, что Робби вытащил меч и посмотрел на канаты, удерживающие перекидной

¹³ *Нэйкерсы* – котлообразные барабаны. Название произошло от арабского глагола «бить», «ударять». В Европе появились во время Крестовых походов (XIII век).

мост. Они представляли собой две пеньковые веревки, по одной с каждой из сторон. Когда башня подъедет достаточно близко, их предстоит перерезать, и тяжелый мост обрушится на парпет. Теперь уже недолго. Молодой шотландец поцеловал эфес меча, в котором укрывалась частица мощей святого Андрея.

– Твой дядя зол на тебя, – заметил Роланд де Веррек.

Башня с грохотом медленно продвигалась вперед, и болты осажденных все чаще вонзались в мост, но француз выглядел совершенно спокойным.

– Он всегда злится, – ответил Робби.

Его смущал Роланд де Веррек. Молодой гасконец был слишком собран, слишком уверен в себе; Робби же, напротив, сомневался во всех своих решениях.

– Я напомнил ему, что ты не можешь нарушить клятву, – продолжил Роланд. – Ее не вырвали у тебя силой?

– Нет.

– Что ты испытывал в душе, когда давал ее? – осведомился француз.

Робби задумался.

– Благодарность, – ответил он наконец.

– Благодарность?

– Друг излечил меня от чумы. Я должен был умереть, но не умер. Он спас мне жизнь.

– Господь спас тебе жизнь, – поправил его Роланд. – И сделал это ради особой цели. Я завидую тебе – ты избранный.

– Избранный? – переспросил Робби, ухватившись за подпорку, когда башня качнулась.

– Ты заразился чумой, но выжил. Ты по какой-то причине нужен Богу. Мое почтение. – Тут де Веррек вскинул меч в приветствии. – Я завидую тебе, – повторил он.

– Завидуешь мне? – Робби пришел в крайнее удивление.

– Я вот ищу причину, – пояснил Роланд.

И тут башня остановилась.

Это случилось так резко, что людей на площадке бросило в сторону. Одно из колес угодило в яму, достаточно большую, чтобы конструкция застряла. Никакие усилия не могли высвободить колесо, а попытки налечь только накренили башню сильнее влево.

– Хватит! – заорал кто-то. – Стой!

Осажденные глумились. Арбалетные болты рассекали тонкую завесу дождя, поражая крестьян, толкающих башню. Кровь залила траву, а люди кричали, когда толстые наконечники впивались в плоть и дробили кости.

Жоффруа де Шарни выбежал вперед. Он был в кольчуге и шлеме, но без щита.

– Рычаги! – вскричал он. – Рычаги!

Он надеялся, что подобного не случится, но французы были наготове. Группа мужчин, вооруженных крепкими дубовыми шестами, устремилась к застрявшей стороне башни. Они подложили похожие на наковальни обрезки бруса, призванные служить опорой, чтобы рычаги могли поднять левый бок конструкции и высвободить ее. Другой отряд таскал ведрами камни, чтобы засыпать яму и не дать заднему колесу засесть в ней.

Арбалетные болты градом сыпались со стен. Двое или трое работников упали. Жоффруа закричал, приказывая ближайшим щитоносцам установить павезы так, чтобы прикрыть людей, налегающих на рычаги. Все это требовало времени, а защитники, ободренные задачей с башней, усилили поток стрел. Кое-кого из наваррцев доставали французские арбалеты, но не многих, ведь, натягивая тетиву, защитники укрывались за зубцами стены. Жоффруа де Шарни казался заговоренным, потому что хоть и не прятался за щитом и болты падали рядом, ни один не попал в него, и полководец руководил работниками, орудующими громадными дубовыми шестами, высвобождая башню.

– Давай! – гаркнул он, и крестьяне попытались приподнять исполинскую башню при помощи мощных рычагов.

В этот миг из замка прилетела первая подожженная стрела.

То был арбалетный болт, обернутый горючим материалом с защитной кожаной юбкой. Материю пропитали смолой, и после того как болт вспорхнул с парапета и со стуком вонзился в нижний ярус башни, в воздухе остался черный дымный след. Пламя вспыхнуло на миг, затем погасло, но за первой горящей стрелой последовала еще дюжина.

– Воды! Воды! – взревел Роланд де Веррек.

На верхней площадке имелось несколько кожаных бадей с водой. Рывки башни расплескали большую ее часть, но то, что осталось, воины де Веррека вылили за перекидной мост. Вода заструилась по фасаду башни, увлажняя еще прежде облитые водой шкуры. Все новые зажигательные снаряды попадали в цель, и передняя стена конструкции задымилась в десятках мест. Но то был дым от самих горящих стрел. Смоченные кожи до поры оберегали башню.

– Навались! – вскричал Жоффруа де Шарни.

Работники налегли на рычаги, те согнулись, башня заскрипела. Один из рычагов сломался, свалив с ног с полдюжины человек.

– Другой шест!

Чтобы приладить новый рычаг, потребовалось минут пять. Потом работники снова навалились на них, а крестьянам был дан приказ толкать. Часть воинов подбежала, чтобы помочь им. Арбалетные болты падали все гуще. Летели и зажигательные стрелы, на этот раз нацеленные в правый бок башни. Одна угодила под край шкур и впилась в обшивку из дуба. Никто этого не заметил. Стрела горела, и под кожаным пологом пламя укладкой распространялось между шкурами и досками, и хотя дым просачивался из-под плотно прибитых шкур, на это никто не обращал внимания – гругом было слишком дымно и без того.

Потом наваррские арбалетчики сменили тактику. Часть продолжала пускать зажигательные стрелы, а другая через бойницы в стене целила в воинов, сбившихся в левой стороне осадной башни. Остальные тем временем высоко поднимали арбалеты, так что болты со свистом устремлялись в небо, зависали на миг, а затем обрушивались на открытую верхнюю платформу. Большинство болтов пролетало мимо. Некоторые поразили работников, ожидающих приказа налечь на шесты, а несколько штук упали на площадку башни, и Роланд, опасаясь потерь, распорядился поднять щиты. Но теперь воины не могли лить воду, которую начали подавать наверх в кожаных бадьях.

Когда часть людей налегла на рычаги, а другая принялась толкать сзади, башня резко дернулась. Пахло дымом.

– Назад толкай! – посоветовал Жоффруа де Шарни лорд Дуглас.

Болт вонзился в дерн у ног шотландца, и тот раздраженного пнул его. Барабаны продолжали греметь, переключались трубы, осажденные орали на французов, которые снова налегали на рычаги и толкали, но башня засела намертво. И вот тут наваррцы пустили в ход свое последнее оружие.

Это был спрингалд – арбалет-переросток. Его устанавливали на стену, а металлические рукоятки натягивающей тетиву лебедки вращали четыре человека.

Стрелял он болтами в три фута длиной и толщиной в руку. Осажденные приберегали его до тех пор, пока башня не приблизится на сто шагов, но замешательство среди французов побудило их прибегнуть к нему сейчас. Они стянули большой деревянный щит, укрывавший орудие, и выпустили железную стрелу.

Болт ударил в фасад башни, отчего та вздрогнула. И такова была мощь усиленного сталью лука, имеющего добрых десять футов ширину, что большой железный наконечник прошил кожу и обшивку и засел посередине башни. Взметнулись искры, одна из шкур свернулась,

обнажив доски, и пока спрингалд деловито перезаряжали, три зажигательные стрелы уже вонзились в голое дерево.

– Толкайте эту чертову штуковину обратно! – рявкнул лорд Дуглас.

Возможно, башню следовало выкатить задним ходом, а не пихать вперед, после чего засыпать яму и двинуть громадину дальше к стенам.

– Веревки! – заорал Жоффруа де Шарни. – Ташите веревки!

Наблюдающие за происходящим воины теперь смолкли. Башня была слегка наклонена и окутана тонким пологом дыма, но проблему замечали только те, кто стоял рядом с застрявшей машиной. Король, все еще верхом на белом коне, подъехал немного ближе, потом натянул поводья.

– Бог ведь на нашей стороне? – спросил он у капеллана.

– Иначе и быть не может, сир.

– Тогда почему... – хотел было уточнить Иоанн, но решил, что не стоит.

Дым на правой стороне башни, куда угодил еще один болт из спрингалда, стал гуще. Один латник из приставленных к рычагам ковылял в тыл с арбалетной стрелой в бедре, а оруженосцы спешно тащили мотки веревок, но было поздно.

На среднем этаже внезапно появился огонь. Поначалу оттуда повалили густые клубы дыма, затем сквозь пелену появилось пламя. Доски правой стороны занялись, а воды для тушения не хватало.

– Господь бывает очень переменчив, – посетовал король и повернул прочь.

Кто-то на стене замка размахивал флагом, празднуя поражение французов. Барабаны и трубы смолкли. Люди в башне кричали, иные прыгали, спасаясь из огненного ада.

Роланд не подозревал о пожаре до тех пор, пока дым не потянулся из лестничного люка.

– Вниз! – заорал он. – Вниз!

Первые беглецы заспешили вниз, но ножны одного из них угодили между ступеньками, и в этот миг пламя вырвалось из дыры и застрявший человек закричал. Он поджаривался в своей кольчуге. Другой попытался проскочить мимо него, но свалился и сломал ногу. Горящий солдат теперь рыдал, и Роланд кинулся ему на помощь, сбивая огонь голыми руками. Робби не предпринимал ничего. Он проклят, подумалось ему. Все, к чему он прикасается, обращается в прах. Прежде он подвел Томаса, теперь дядю. Он женился, но жена умерла первыми же родами, и младенец вместе с ней. «Проклят», – думал Робби и не шевелился, а дым густел, и пламя лизало площадку у него под ногами. Потом вся башня вздрогнула – это третий болт спрингалда врезался в нее. На верхней платформе вместе с молодым шотландцем оставались трое, и они побуждали товарища спастись, но тот прирос к месту. Роланд тащил раненого вниз по лестнице, и Господь, должно быть, воистину любил рыцаря-девственника, потому как в то время, когда он спускался по перекладам, мощный порыв ветра снес огонь и дым в сторону.

– Уходим! – крикнул один из соратников Робби, но тот слишком пал духом, чтобы пошевелиться.

– Уходите вы, – сказал он им. – Оставьте меня.

Робби извлек меч, предпочитая хотя бы умереть с оружием в руках, и наблюдал, как трое пытаются сбежать с обратившегося в эшафот сооружения по открытой задней стенке. Однако яростное пламя обожгло их. Спасаясь, они прыгнули. Лишь один долетел до земли благополучно, его падение смягчили тела солдат внизу, но двое других переломали кости. Один из четырех размещенных на башне флагов объяло пламя, и лилии обратились в тлеющие угли. Затем башня рухнула. Сначала она валилась медленно, со скрипом, разбрасывая искры, затем падение ускорилось. Исполинская конструкция накренилась, как идущий ко дну гордый корабль. Люди у ее подножия бросились врассыпную, а Робби все еще не двигался. Роланд достиг земли, и Робби остался совершенно один на объятый пламенем, рушащейся башне. Он ухватился за прочную подпорку. Громада с грохотом ударилась о грунт, подняв облако искр.

Робби оторвало от бруса. Он покатился среди языков пламени и густого дыма. Двое французов заметили его и ринулись в пелену, чтобы вытащить. От сотрясения молодой человек лишился сознания, но когда ему плеснули в лицо водой и стащили кольчугу, то оказалось, что он чудесным образом избежал повреждений.

– Господь спас тебя, – сказал один из солдат.

Наваррцы на стене Бретея злорадствовали. Арбалетный болт ударил в бревно поверженной башни, обратившейся теперь в адское пекло.

– Надо уходить отсюда, – сказал спаситель Робби.

Второй человек подал Робби меч, а первый помог встать на ноги и направил к шатрам французов.

– Роланд... – промолвил шотландец. – Где Роланд?

Последний болт, пущенный наваррцами вдогонку, безвредно шлепнулся в грязь. Робби сжал меч. Он спасся, но чего ради? Ему хотелось разрыдаться, но молодой человек не смел – он ведь солдат, да вот только на службе у кого? Он шотландец, но если ему нельзя воевать против англичан, тогда какой в нем прок?

– Господь уберег тебя, друг мой, – приветствовал его Роланд де Веррек, не получивший при падении башни ни царапины. Француз протянул руку и поддержал Робби. – Тебе предначертана священная судьба.

– Турнир! – раздался язвительный возглас.

Робби, все еще не очухавшийся, увидел своего дядю, окутанного дымом от горящих обломков.

– Турнир? – переспросил Робби.

– Король возвращается в Париж и хочет устроить турнир! Турнир! Англичане отливают у него в стране под каждым кустом, а он игрушками забавляется!

– Не понимаю, – пробормотал Робби.

– Как звали малого, который играл на флейте, пока его город горел?

– Нерон, – отозвался Робби. – Вроде бы.

– Вот и мы играем в турниры, пока англичане метят каждый куст во Франции. Нет, не метят, а оставляют целые кучи зловонного дерьма по всей драгоценной земле короля Иоанна, а ему и дела нет! Ему турнир подавай! Так что седлай коня, собирай вещи и готовься к отъезду. Турнир! Лучше бы я в Шотландии остался!

Робби оглянулся в поисках Роланда. Не зная точно почему, он восхищался молодым французом, и если кто способен был истолковать причины ниспосланного Богом поражения, так только он. Но Роланд был занят оживленной беседой с человеком в незнакомой Робби накидке. На его джупоне была изображена вздыбленная зеленая лошадь на белом поле. Шотландцу никогда прежде не доводилось видеть такого герба среди воинов короля Иоанна. Чужак что-то негромко и настойчиво говорил Роланду, который, похоже, задал несколько вопросов, потом пожал собеседнику руку. И когда он повернулся к Робби, лицо его просто лучилось от счастья. Вся остальная армия короля могла горевать, потому что надежды Франции обратились в пылающий костер на сыром поле, но Роланд де Веррек просто сиял от счастья.

– Я обрел цель, – сообщил он Робби. – Подвиг!

– В Париже намечается турнир, – сказал юноша. – Там без тебя наверняка не обойдется.

– Нет, – отрезал Роланд. – Дева в беде! Негодяй похитил ее у законного супруга, увез силком, и меня просили спасти несчастную.

Робби вытаращил глаза на рыцаря-девственника. Роланд говорил совершенно серьезно, словно действительно считал себя рыцарем из тех героических песен, что распевают трубадуры.

– Вам щедро заплатят, мессир, – произнес рыцарь в зелено-белом джупоне.

– Честь совершить подвиг – сама по себе достаточная плата, – провозгласил Роланд де Веррек, но быстро спохватился. – Однако, если твой господин граф предложит небольшое вознаграждение, я, разумеется, буду счастлив.

Он поклонился Робби.

– Мы еще встретимся, – пообещал француз. – И не забывай о моих словах: ты спасен для высшей цели. Ты благословен. Как и я. Рыцарский обет!

Лорд Дуглас смотрел в спину удаляющемуся де Верреку.

– Он и вправду девственник? – В его голосе прозвучало недоверие.

– Роланд клянется, что так, – ответил Робби.

– Неудивительно, что правая рука у него такая крепкая, – пробормотал Дуглас. – Но сам он наверняка чокнутый, как чертов горностаи.

Шотландец сплюнул.

Роланд де Веррек принял рыцарский обет, и Робби ему завидовал.

Часть вторая

Монпелье

Глава 4

– Прости меня, – сказал Томас.

Он не собирался говорить громко и обращался к распятию, висящему над главным алтарем церквушки Святого Сардоса, что располагалась близ замка Кастийон-д'Арбизон. Томас стоял на коленях. Он зажег шесть свечей у бокового алтаря святой Агнессы, где молодой бледный священник пересчитывал новенькие гемуаны.

– Простить за что, Томас? – поинтересовался священник.

– Ему ведомо.

– А тебе нет?

– Ты просто отслужи за меня мессу, отче, – попросил Томас.

– За тебя? Или за людей, тобой убиенных?

– За мной убиенных, – подтвердил Томас. – Я дал достаточно денег?

– Ты дал мне столько, что можно новую церковь построить, – отозвался священник. – Угрызения совести – вещь дорогостоящая.

Томас едва заметно улыбнулся.

– Те люди были солдатами, отче, – напомнил он. – Они умерли, исполняя долг перед своим господином. А мой долг – обеспечить им покой в загробном мире, не так ли?

– Их сеньор был прелюбодеем, – сурово заметил отец Левонн.

Отец Меду, его предшественник, умер за год до того, и епископ Бера поставил взамен него отца Левонна. Томас подозревал, что новичок шпион, потому что епископ принадлежал к сторонникам графа Бера, который некогда владел Кастийон-д'Арбизоном и хотел вернуть город, но, судя по всему, прелат послал Левонна в расчете избавиться от помехи.

– Я язвил совесть епископа, – пояснил священник Томасу.

– Язвил?

– Проповедовал против греха, сир, – растолковал Левонн. – И епископу не нравились мои проповеди.

После того разговора отец Левонн научился обращаться к Томасу по имени, а Томас усвоил привычку приходить к молодому, искреннему священнику за советом и всякий раз, вернувшись из набега на вражескую территорию, заглядывал в церковь Святого Сардоса, исповедовался и платил за мессы, которые просил отслужить за убитых им людей.

– Выходит, раз граф де Вийон был прелюбодеем, то заслуживал кастрации и смерти? – осведомился Томас. – Отче, да в таком случае половину этого города следует предать смерти.

– Только половину? – хмыкнув, спросил Левонн. Потом продолжил: – Говори о себе. Я предпочел бы предать наказание Вийона в руки Господа, но быть может, Бог избрал тебя в качестве своего орудия?

– Я поступил неправильно?

– Это ты сам мне скажи.

– Просто отслужи мессу, отче, – сказал Томас.

– А графиня де Лабруйяд, эта закоренелая прелюбодейка, находится здесь, в замке, – продолжал отец Левонн.

– Хочешь, чтобы я убил ее?

– Бог распорядится ее судьбой, – негромко заявил священник. – Вот только граф де Лабруйяд едва ли захочет ждать так долго. Он потребует ее назад. Город процветает, Томас, и мне не хотелось бы, чтобы граф или еще кто-то напал на него. Отошли ее прочь, и чем дальше, тем лучше.

– Лабруйяд сюда не сунется, – мстительно заметил Томас. – Это всего лишь жирный болван, и он меня боится.

– Граф Бера тоже болван, – возразил поп. – При этом богатый, храбрый и повсюду ищущий союзников для войны против тебя.

– Только потому, что я его бил всякий раз, когда он совался сюда прежде, – парировал англичанин.

Томас отобрал город и замок у графа. Тот дважды пытался вернуть утраченное и оба раза потерпел поражение. Город располагался на южной окраине графства Бера; его защищали высокие каменные стены и река, с трех сторон огибающая холм, на котором стоял город. Еще выше, на каменистой вершине холма, угнездился замок. Может, он и небольшой, зато удачно расположен и хорошо защищен. Новое надвратное укрепление, массивное, с башнями, заменило старый вход, разрушенный пушечными ядрами. Над воротами и над донжоном реял флаг графа Нортгемптонского – лев и звезды, – но все знали, что взял замок Томас из Хуктона, Бастард. Здесь располагалось логово, откуда эллекин совершал набеги на восток и на север, в неприятельские земли.

– Бера попытается снова, – предупредил Левонн. – И в этот раз ему может помочь де Лабруйяд.

– И не только Лабруйяд, – угрюмо добавил Томас.

– Наделал новых врагов? – спросил с ироничной усмешкой священник. – Я поражен.

Томас вперил тяжелый взгляд в распятие. На момент взятия города церковь Святого Сардоса была бедна, но теперь утопала в богатстве. Свежеокрашенные статуи святого были увешаны ожерельями из полудрагоценных камней. На Деве Марии красовалась серебряная корона. Подсвечники и алтарные сосуды были сплошь из серебра и позолоты, стены расписаны ликами святого Сардоса, святой Агнессы и картинами Страшного суда. Заплатил за все это Томас, как и за украшение двух других городских церквей.

– Я наделал новых врагов, – признался он, не отрывая глаз от окровавленного Христа на позолоченном кресте из бронзы. – Но сначала скажи мне, отче, какой святой изображается стоящим на коленях посреди расчищенной от снега тропы?

– Расчищенной от снега тропы? – переспросил отец Левонн, хмыкнув, но потом заметил, что его собеседник не шутит. – Быть может, это святая Евлалия?

– Евлалия?

– На нее обрушили гонения, и мучители бросили ее голой на городскую улицу, чтобы посрамить, – пояснил священник. – Но благой Господь наслал метель, чтобы укрыть ее наготу.

– Нет, речь о мужчине, – возразил Томас. – И снег словно избегает его.

– Тогда святой Вацлав? Который король. Говорят, что под его ногами снег таял.

– То был монах, – упрямылся англичанин. – На картине, которую я видел, он стоял на коленях на траве, и вокруг был снег, но на нем самом – ни снежинки.

– Где эта картина?

Томас поведал ему о встрече с папой в авиньонском дворце и о древней фреске на стене.

– Тот человек был изображен не один, – закончил рассказ Томас. – Второй монах выглядывал из хижины, а святой Петр протягивал первому меч.

– А... – протянул Левонн с оттенком странного огорчения. – Меч Петра.

Тон священника заставил Томаса нахмуриться.

– Послушать тебя, так это зло. В мече кроется дурное?

Отец Левонн пропустил вопрос мимо ушей.

– Говоришь, встречался с его святейшеством? Как он?

– Плох, – ответил Томас. – И весьма милостив.

– От нас требуют молиться о его здоровье, что я и делаю, – пробормотал священник. – Это хороший человек.

– Он ненавидит нас, – заметил Томас. – Англичан, в смысле.

– Я и говорю, что он хороший человек. – Отец Левонн рассмеялся, потом снова посерьезнел и продолжил, осторожно подбирая слова: – Неудивительно, что картина с мечом Петра находится во дворце его святейшества. Быть может, ее смысл просто в том, что папство отказалось от использования меча? Фреска показывает, что если мы святые, то должны отказаться от оружия?

Томас покачал головой:

– Там кроется какой-то сюжет. Зачем иначе другому монаху выглядывать из хижины? Почему снег расчищен? Картины рассказывают истории! – Он указал на росписи, украшающие стены храма. – Зачем здесь эти изображения? Да чтобы поведать неграмотным о том, что им нужно знать.

– Тогда этой истории я не знаю, – признался отец Левонн. – Хотя о мече Петра мне слышать доводилось. – Он перекрестился.

– На той фреске у меча было расширяющееся к концу лезвие. Наподобие фальшиона.

– Малис, – едва слышно пробормотал отец Левонн.

Несколько мгновений, считая удары сердца, Томас хранил молчание.

– «Семь темных владык хранят его, – процитировал он стих, который монахи-доминиканцы разносили по всему христианскому миру, – и они прокляты. Тот, кому суждено править нами, найдет его и будет благословен».

– Меч Рыболова, – пояснил отец Левонн. – Это не просто меч, Томас, но тот самый меч. Меч, который святой Петр пустил в ход, к неудовольствию Христа, и потому утверждают, что клинок проклят.

– Расскажи!

– Я уже сказал все, что знаю! – отрезал священник. – Это всего лишь древняя легенда, но говорится в ней о том, что Малис несет на своем клинке проклятие Христа. Если это верно, то она должна обладать воистину ужасной силой. В противном случае разве носил бы меч такое имя?

– И кардинал Бессьер ее ищет, – пробормотал Томас.

– Бессьер? – Левонн пристально посмотрел на англичанина.

– И ему известно, что я тоже ее ищу.

– О Господь милосердный! Томас, у тебя дар обретать могущественных врагов.

Бастард встал с колен.

– Бессьер – это помет Сатаны, – бросил он.

– Это князь Церкви, – с ласковым упреком поправил его священник.

– Князь дерьма, – кивнул Томас. – И я убил его брата буквально в четверти мили от этого места.

– И Бессьер жаждет мести?

– Ему неизвестно, кто убийца брата. Но меня он знает, и станет преследовать, потому что думает, будто мне ведомо, где Малис.

– А это так?

– Нет, но я дал ему понять, что знаю. – Томас поклонился алтарю. – Я забросил наживку прямо ему под нос, отче. Пригласил кинуться за мной в погоню.

– Зачем?

Томас вздохнул.

– Мой сеньор, – начал он, имея в виду графа Нортгемптонского, – хочет, чтобы я нашел Малис. Бессьер, предположительно, ищет то же самое. Трудность в том, что мне неизвестно, где ее искать, отче. Поэтому я намерен быть рядом с Бессьером на случай, если тот меня опередит. Держи врагов еще ближе – разве не мудрый совет?

– Томас, Малис – это идея, – растолковывал отец Левонн. – Идея, призванная вдохновлять верующих. Сомневаюсь, что меч на самом деле существует.

– Но некогда он, надо думать, существовал, – возразил англичанин. – И откуда взялась картина со святым Петром, вручающим меч монаху? Этот монах и должен владеть им! Вот почему мне нужно знать, какой святой изображен коленопреклоненным на очищенной от снега тропе.

– Бог знает, я – нет. Быть может, это какой-то местночтимый святой? Вроде здешнего святого Сардоса. – Он махнул в сторону настенной росписи, на которой святой Сардос, пастух, отгонял волков от Божьего агнца. – Я никогда о нем не слыхал, пока сюда не приехал, и сомневаюсь, что кто-нибудь, живущий далее чем в десяти милях от этого города, что-либо знает о нем! Мир полон святых, их многие тысячи! В каждой деревне найдется святой, о котором больше никому ничего не ведомо!

– Но кто-то должен знать.

– Какой-нибудь ученый – да.

– Мне казалось, отче, что ты – ученый.

Отец Левонн грустно улыбнулся:

– Томас, я не знаю, кто твой святой, зато знаю, что, если твои враги явятся сюда, городу и его добрым жителям придется плохо. Замок, быть может, твоим недругам взять не удастся, но вот город долго не продержится.

Томас усмехнулся:

– У меня сорок два латника, отче, и семьдесят три лучника.

– Недостаточно для обороны городских стен.

– И шевалье Анри Куртуа во главе гарнизона, а его непросто побить. Да и зачем моим врагам приходить сюда? Малис ведь тут нет!

– Кардинал этого не знает. Ты ставишь под угрозу безопасность всех этих добрых людей, – сказал священник, имея в виду горожан.

– Защита этих добрых людей – моя забота и долг Анри. – Эти слова прозвучали строже, чем хотелось Томасу. – Ты молишься, я сражаюсь, отче. И еще мне надо найти Малис. Сначала я пойду на юг.

– На юг? Почему?

– Чтобы разыскать ученого, разумеется, – ответил англичанин. – Человека, которому известны истории.

– Томас, у меня такое чувство, – промолвил капеллан, – что Малис – недобрая вещь. Помнишь, что сказал Иисус, когда Петр вытащил меч?

– «Вложи в ножны меч свой», – процитировал Томас.

– Вот завет Икупителя нашего: оставить оружие! Малис снискала его неудовольствие, поэтому ее не найти нужно, а уничтожить.

– Уничтожить? – переспросил Томас, потом повернул голову, заслышав стук копыт и скрип несмазанных осей, громко доносившийся с улицы. – Мы можем обсудить это позже, отче, – бросил он, стремительно пересек неф, открыл дверь и вышел на слепящий свет весеннего солнца.

Облитые белым цветом персиковые деревья окружали колодец, возле которого собралось около дюжины женщин. Они наблюдали за неуклюжей четырехколесной повозкой, которую тянула упряжка из шести лошадей. Десятка два всадников сопровождали фургон – все это были люди Томаса, за исключением двоих чужаков. На одном из этих чужаков поверх дорогого пластинчатого доспеха был надет короткий черный джупон с вышитой на нем белой розой. Лицо его скрывалось под турнирным шлемом с плюмажем из выкрашенных черной краской перьев, а лошадь, – настоящий боевой скакун, – шла под полосатой черно-белой попоной. Сопровождал рыцаря слуга, державший штандарт в тех же цветах и эмблемой в виде белой розы.

– Эти мошенники поджидали на дороге, – объяснил конный лучник, указав большим пальцем на чужаков в накидках с белой розой.

Лучник, как и остальные, кто охранял повозку, носил эмблему эллекинов с изображением йейла¹⁴ с чашей.

– Всего ублюдков было восемь, но мы сказали, что в город дозволено войти только двоим.

– Томас из Хуктона! – воззвал всадник в латах. Голос его из-под шлема звучал приглушенно.

¹⁴ *Йейл* – мифическое существо с рогами и клыками, часто встречающееся в геральдике Средних веков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.